

**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 1 (6)

**СИБИРСКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**НОВОСИБИРСК
2025**

УДК
ББК
С34

С34 Сибирский социально-гуманитарный журнал: научный журнал. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – № 1 (6). – 85 с.

© Авторы статей, 2025
© НВИ войск национальной гвардии, 2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Сибирский социально-гуманитарный журнал»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	
Косухин Валерий Викторович	кандидат педагогических наук, доцент
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Тухватуллин Булат Талирович	доктор педагогических наук, доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ	
Колухамбеков Алексей Садович	
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	
Психологические науки	
Биденко Роман Александрович	кандидат психологических наук
Кононова Татьяна Александровна	кандидат психологических наук, доцент
Луняка Анатолий Николаевич	кандидат психологических наук
Оспенников Сергей Валентинович	кандидат психологических наук, доцент
Суховецкая Елена Юрьевна	кандидат педагогических наук, доцент
Филологические науки	
Берзина Галина Петровна	доктор филологических наук, доцент
Влавацкая Марина Витальевна	доктор филологических наук, профессор
Гричин Сергей Владимирович	доктор филологических наук, доцент
Кучина Светлана Анатольевна	доктор филологических наук, доцент
Власова Елена Ивановна	кандидат филологических наук, доцент
Глибина Анна Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент
Онал Инна Олеговна	кандидат филологических наук
Ульянова Ульяна Александровна	кандидат филологических наук
Чистюхина Евгения Александровна	кандидат филологических наук, доцент
Философские науки	
Макулин Артем Владимирович	доктор философских наук, доцент
Новиков Николай Сергеевич	кандидат философских наук
Полич Виктор Валентинович	кандидат философских наук
Штоппель Андрей Александрович	кандидат философских наук

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дахин А.Н., Иванов В.В., Жакупов Т.Б.	ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ.....	5
Дахин А.Н., Ненашев М.Б.	ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА ЦЕЛИ И ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ УСПЕШНОГО ВЫБОРА	16
Закирьянова И.А.	РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ.....	27
Новиков Н.С.	ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	37
Помуран Н.Н.	МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	46

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Глибина А.А.	ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МИЛИТАРНЫХ МЕТАФОР С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	54
Исакова Е.С., Глибина А.А.	РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ ПРИ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОНФЛИКТОВ В КИТАЙСКИХ СМИ.....	62
Шпак Н.О.	РОЛЬ ОШИБОК СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	67

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Новиков Н.С.	ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	74
--------------	--	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 6378.01

EDN: <https://elibrary.ru/NBZLDP>

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Дахин Александр Николаевич¹

Иванов Виталий Владимирович²

Жакупов Темирлан Базарбекович³

^{1, 2, 3}Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹dakhin@mail.ru, ²toy1100@mail.ru, ³gakypovtemirlan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль психологии общения в системе военно-патриотического воспитания молодежи. Анализируются основные теоретические подходы, психологические механизмы и коммуникативные аспекты, влияющие на формирование патриотического сознания. Особое внимание уделяется специфике коммуникации в военно-патриотической среде, включая иерархичность, нормативность, символическую насыщенность и коллективистскую направленность. Приводятся результаты педагогического эксперимента, демонстрирующие эффективность внедрения инновационных методик развития коммуникативных навыков. Обсуждаются вызовы цифровизации и новые форматы коммуникации, такие как виртуальные музеи, геймификация и образовательные онлайн-платформы. Предложены практические рекомендации по совершенствованию психологии общения в военно-патриотическом воспитании, направленные на повышение уровня сплоченности, патриотической мотивации и коммуникативной компетентности молодежи.

Ключевые слова: психология общения, военно-патриотическое воспитание, патриотическое сознание, коммуникативные технологии, цифровизация.

Для цитирования: Дахин А.Н., Иванов В.В., Жакупов Т.Б. Психология общения в структуре военно-патриотического воспитания молодежи // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 5-15.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGY OF COMMUNICATION IN THE STRUCTURE
OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Alexander N. Dakhin¹, Vitaly V. Ivanov², Temirlan B. Zhakupov³

^{1, 2, 3}Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹dakhin@mail.ru, ²toy1100@mail.ru, ³gakypovtemirlan@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of communication psychology in the system of military-patriotic education of youth. It analyzes the main theoretical approaches, psychological mechanisms, and communicative aspects influencing the formation of patriotic consciousness.

Special attention is paid to the specifics of communication in the military-patriotic environment, including hierarchy, normativity, symbolic saturation, and collectivist orientation. The results of a pedagogical experiment are presented, demonstrating the effectiveness of implementing innovative methods for developing communication skills. The challenges of digitalization and new communication formats, such as virtual museums, gamification, and educational online platforms, are discussed. Practical recommendations are proposed to improve communication psychology in military-patriotic education, aimed at enhancing cohesion, patriotic motivation, and communicative competence among young people.

Keywords: communication psychology, military-patriotic education, patriotic consciousness, communicative technologies, digitalization.

For citation: Dakhin A.N., Ivanov V.V., Zhakupov T.B. Psychology of communication in the structure of military-patriotic education of youth // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 5-15.

Введение

В современном мире вопросы военно-патриотического воспитания молодёжи приобретают особую актуальность и значимость. Это обусловлено целым рядом факторов: глобализационными процессами, трансформацией ценностных ориентаций в обществе, усилением геополитической напряжённости, информационными войнами и размыванием традиционных представлений о патриотизме. В этих условиях военно-патриотическое воспитание выступает не только как средство подготовки молодёжи к защите Отечества, но и как важнейший инструмент формирования гражданской идентичности, национального самосознания и морально-нравственных ценностей.

Эффективность военно-патриотического воспитания во многом определяется качеством коммуникативных процессов, происходящих в его структуре. Психология общения, будучи фундаментальной основой любого воспитательного воздействия, играет ключевую роль в формировании патриотических установок и ценностей молодёжи. Особенности коммуникации в военно-патриотической среде, психологические механизмы передачи патриотических ценностей, специфика взаимодействия наставников и воспитанников, групповая динамика в военно-патриотических объединениях – все эти аспекты требуют глубокого научного осмысления и практического применения.

Современные реалии бросают вызов традиционным подходам к организации коммуникации в военно-патриотическом воспитании. Цифровизация коммуникативного пространства, новые формы информационного воздействия, изменение коммуникативных паттернов современной молодёжи требуют инновационных подходов к психологии общения в военно-патриотическом воспитании. Необходимо разрабатывать новые коммуникативные технологии, учитывающие психологические особенности цифрового поколения, создавать эффективные стратегии противодействия деструктивным информационным влияниям, формировать информационную устойчивость молодёжи.

Актуальность проблемы обусловлена также недостаточной разработанностью психолого-педагогических аспектов коммуникации в военно-патриотическом воспитании. Несмотря на наличие значительного количества исследований в области военно-патриотического воспитания, вопросы психологии общения в этой сфере остаются недостаточно изученными. Отсутствует системный подход к пониманию психологических механизмов коммуникации в военно-патриотической среде, не разработаны эффективные технологии развития коммуникативной компетентности наставников и воспитанников, не изучено влияние современных информационных технологий на коммуникативные процессы в военно-патриотическом воспитании.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе психологии общения в структуре военно-патриотического воспитания молодёжи, выявлении психологических механизмов формирования патриотических установок в процессе коммуникации, разработке практических рекомендаций по совершенствованию коммуникативных технологий в военно-патриотическом воспитании.

Для достижения поставленной цели нами решены задачи:

1. Проанализированы теоретические основы психологии общения в военно-патриотическом воспитании, выявлена специфика коммуникации в военно-патриотической среде, определены психологические механизмы формирования патриотических ценностей.

2. Выявлены современные коммуникативные технологии, применяемые в военно-патриотическом воспитании, определена их эффективность и возможности совершенствования.

3. Разработаны практические рекомендации по применению психологии общения в военно-патриотическом воспитании, включая диагностику коммуникативных навыков, тренинговые программы и психологическое сопровождение патриотических мероприятий.

4. Проанализированы современные вызовы и перспективы развития психологии общения в военно-патриотическом воспитании, связанные с цифровизацией, информационными войнами и трансформацией ценностных ориентаций молодёжи.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о психологических механизмах коммуникации в военно-патриотическом воспитании, систематизации знаний о психологии общения в этой сфере, разработке концептуальных основ коммуникативного взаимодействия в военно-патриотической среде. Практическая значимость работы состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию коммуникативных технологий в во-

енно-патриотическом воспитании, создании методических материалов для диагностики и развития коммуникативных навыков, формировании стратегий противодействия деструктивным информационным воздействиям.

Методологической основой исследования послужили принципы системного подхода к анализу психологических явлений, деятельностный подход к пониманию развития личности, культурно-историческая теория Л.С. Выготского, теория социального научения А. Бандуры, концепция коммуникативных действий Ю. Хабермаса, теория деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского.

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования выступает комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий положения общей психологии Л.С. Выготского, социальной психологии Е.В. Андриенко [1], педагогической психологии П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной, военной психологии и педагогики И.А. Алёхина, А.Г. Караяни. Исследование опирается на следующие методологические принципы:

1. Системности – рассмотрение психологии общения в военно-патриотическом воспитании как целостной системы взаимосвязанных элементов, находящихся в определённых отношениях между собой и образующих единство.

2. Детерминизма – изучение причинно-следственных связей между особенностями коммуникации и формированием патриотических установок у молодёжи.

3. Развития – рассмотрение психологии общения в контексте возрастных особенностей молодёжи и динамики развития коммуникативных процессов.

4. Единства сознания и деятельности – анализ взаимосвязи между коммуникативными процессами и практической деятельностью в системе военно-патриотического воспитания.

5. Культурно-исторической обусловленности – учёт культурно-исторического

контекста формирования патриотических ценностей и коммуникативных практик.

В нашем исследовании были использованы следующие теоретические методы: а) анализ научной литературы – изучение и систематизация научных работ отечественных и зарубежных авторов по проблемам психологии общения, военно-патриотического воспитания, формирования патриотического сознания; б) педагогическое моделирование – построение концептуальной модели психологии общения в структуре военно-патриотического воспитания, выделение ключевых компонентов и связей между ними; метод сравнительного анализа – сопоставление различных подходов к организации коммуникации в военно-патриотическом воспитании, выявление их преимуществ и ограничений, а также рассмотрение психологии общения как системы взаимосвязанных элементов, выявление структурных и функциональных характеристик этой системы.

Результаты исследования

Для построения теоретической основы психологии общения в военно-патриотическом воспитании раскроем понятие и сущность психологии общения. Так, в самом общем понимании, психология общения представляет собой отрасль психологической науки, изучающую закономерности, механизмы и особенности взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности и межличностных отношений, что исследовано Э.В. Барбашиной, В.С. Библером, А.Ф. Лосевым, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорским, Г.Г. Шпетом [2, 3, 4, 5, 6] и др. В контексте военно-патриотического воспитания психология общения приобретает особую значимость, поскольку эффективность формирования патриотических ценностей и установок напрямую зависит от качества коммуникативных процессов, осуществляемых в воспитании как процессе. Выдающимися учёными, такими как Л.С. Выготский, Л.С. Рубинштейн, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, были выделены основные компоненты психологии общения [9, 10, 11].

1. Коммуникативный аспект – обмен информацией между участниками культурного взаимодействия, в нашем случае, осуществляемого в рамках военно-патриотического проекта (И.А. Алёхин, В.П. Масягин).

2. Интерактивный аспект – организация взаимодействия между общающимися индивидами, субъектами военно-патриотического воспитания, разделяющими ключевые ценности данного проекта, в современных условиях, объединённых в сеть через уникальную знаковую систему, как язык для презентации результатов воспитания (А.Н. Дахин, Н.Г. Семёнов, А.А. Цыбулько [12]).

3. Перцептивный аспект – процесс восприятия и понимания друг друга партнёрами по общению, готовыми для построения авторского контекста содержания военно-патриотической деятельности, что представлено в исследованиях Б.Т. Тухватуллина, В.Ю. Авдюшенко, В.А. Токарева, М.Б. Ненашева [13, 14, 15].

В военно-патриотическом воспитании все эти аспекты приобретают специфическое содержание, обусловленное целями и задачами патриотического воспитания, особенностями военной психологии и педагогики. Коммуникация выступает не просто как средство передачи информации, но и как инструмент формирования патриотического сознания, гражданской идентичности и морально-нравственных ценностей как фундаментальных ориентиров будущих защитников Родины.

Заметим, что военно-патриотическая среда характеризуется рядом особенностей, которые определяют специфику коммуникации в данном контексте. Так, иерархичность коммуникации обеспечивает взаимодействие, которое строится по принципу субординации, что отражает специфику военной организации общества. Коммуникация часто носит вертикальный характер (руководитель – подчинённый, наставник – воспитанник), что влияет на формы и содержание общения. Нормативность общения – это такая коммуникация, осуществляемая в во-

енно-патриотической среде, которая регламентируется определёнными нормами, правилами и традициями, и все они формируют особый стиль общения, основанный на дисциплине, уважении к старшим, соблюдении субординации. Символическая насыщенность связана с наполнением процесса коммуникации патриотической символикой, ритуалами, традициями, что создаёт особый психоэмоциональный фон общения и усиливает его воспитательное воздействие. Коллективистская направленность – общение в военно-патриотической среде ориентировано на формирование групповой сплочённости, коллективизма, чувства товарищества и взаимной ответственности. Такая направленность позволяет преодолеть экстремальность если не безболезненно, то с минимальным напряжением, что часто происходит в условиях, приближенных к экстремальным (военные игры, походы, соревнования), а это требует особых навыков общения и взаимодействия. Все перечисленные особенности определяют формы, методы и содержание общения в военно-патриотическом воспитании, делая его уникальным психолого-педагогическим феноменом.

Процесс формирования патриотических ценностей основывается на ряде психологических механизмов, которые активизируются в процессе общения (Б.Т. Тухватуллин, В.А. Токарев и др. [16]). Так, механизм идентификации предполагает отождествление себя с определённой социальной группой, принятие её ценностных ориентиров, нравственно-этических норм, идей и идеалов. В военно-патриотическом воспитании этот механизм реализуется через общение с представителями патриотических организаций, ветеранами, героями России, что способствует формированию патриотической идентичности российской молодежи.

Ключевыми аспектами механизма идентификации являются эмоциональное сопереживание героическим поступкам и судьбам; принятие ценностей и идеалов патриотизма через личный пример наставни-

ков; формирование образа «Я-патриот» как элемента самосознания.

Механизм интериоризации есть процесс преобразования внешних социальных требований во внутренние регуляторы поведения. В контексте военно-патриотического воспитания курсантов этот механизм проявляется в превращении внешних патриотических норм и ценностей во внутренние убеждения личности будущего офицера. Процесс интериоризации патриотических ценностей включает а) первичное знакомство с патриотическими идеями и ценностями; б) осмысление и принятие курсантом этих ценностей как лично значимых; в) включение патриотических ценностей в систему личностных смыслов; г) реализацию этих ценностей в практической деятельности [17, 18]).

Подражание также является одним из важнейших механизмов социализации, который активно используется в военно-патриотическом воспитании. Молодые люди склонны подражать значимым взрослым, авторитетным лидерам, героям и даже персонажам. В военно-патриотическом воспитании подражание реализуется через личный пример наставников и руководителей; героические образы исторических личностей; модели патриотического поведения сверстников.

Существует механизм эмоционального заражения, который осуществляется через процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому. В военно-патриотическом воспитании этот механизм используется для формирования эмоционально-позитивного отношения к патриотическим ценностям. Формы реализации механизма эмоционального заражения следующие: коллективные ритуалы и традиции; массовые патриотические мероприятия; эмоционально насыщенные формы общения (песни, стихи, рассказы о героях).

Психология общения в военно-патриотическом воспитании опирается на ряд теоретических концепций, которые позволяют понять и объяснить закономерности комму-

никативных процессов в данной сфере [19]. Теория социального научения А. Бандуры предполагает, что большинство форм поведения формируется через наблюдение за моделями и подражание им. В военно-патриотическом воспитании эта теория находит применение в создании ситуаций, где молодые люди могут наблюдать и перенимать патриотические модели поведения.

Теория деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского постулирует, что межличностные отношения в группе опосредуются совместной деятельностью. В военно-патриотическом воспитании это проявляется в организации различных форм совместной деятельности (походы, соревнования, волонтерские акции), которые способствуют формированию позитивных межличностных отношений и патриотических ценностей.

Теория коммуникативных действий (Ю. Хабермас). Эта теория рассматривает коммуникацию как основу социальной интеграции и формирования общих ценностей. В контексте военно-патриотического воспитания эта теория позволяет понять, как через коммуникацию формируется патриотическое сознание и гражданская идентичность.

Культурно-историческая теория (Л.С. Выготский). Согласно этой теории, развитие высших психических функций происходит в процессе усвоения культурно-исторического опыта через общение со взрослыми. В военно-патриотическом воспитании эта теория находит применение в передаче культурно-исторических ценностей и традиций через общение с представителями старшего поколения.

Далее охарактеризуем современные вызовы и перспективы развития психологии общения в военно-патриотическом воспитании. Начнём с влияния цифровизации на коммуникационные процессы в патриотическом воспитании. Современная эпоха характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые оказывают значительное влияние на все сферы обществен-

ной жизни, включая военно-патриотическое воспитание. Цифровизация трансформирует традиционные каналы и формы коммуникации, создавая как новые возможности, так и серьезные вызовы. Цифровизация привела к формированию новой коммуникационной среды, характеризующейся следующими особенностями.

Мультимедийность – интеграция различных форматов информации (текст, изображения, аудио, видео), что создает более насыщенное и эмоционально воздействующее коммуникационное пространство. В военно-патриотическом воспитании это позволяет создавать более впечатляющие материалы, использовать виртуальные реконструкции исторических событий, интерактивные карты сражений.

Интерактивность – возможность активного взаимодействия с контентом и другими участниками коммуникации. В контексте военно-патриотического воспитания это позволяет организовывать онлайн-дискуссии, интерактивные квесты, виртуальные экскурсии по местам боевой славы.

Гипертекстуальность – нелинейная организация информации, возможность быстрого перехода от одного информационного блока к другому. В военно-патриотическом воспитании это создает возможности для многомерного представления исторических событий, установления связей между различными эпохами и героями.

Персонализация – адаптация контента под интересы и потребности конкретного пользователя. В контексте военно-патриотического воспитания это позволяет создавать индивидуальные образовательные траектории, учитывающие уровень подготовки, интересы и мотивацию молодых людей.

Однако именно цифровизация привела к появлению новых форматов коммуникации, которые активно используются в военно-патриотическом воспитании:

1. Виртуальные музеи и экскурсии позволяют дистанционно познакомиться с историческими артефактами, местами боевой славы, мемориальными комплексами. Пси-

хологически это создает эффект присутствия, повышает эмоциональную вовлеченность.

2. Исторические реконструкции в VR/AR – воссоздание исторических событий в формате виртуальной или дополненной реальности. Такой формат позволяет «погрузиться» в исторический контекст, стать «участником» событий, что способствует более глубокому эмоциональному переживанию и лучшему запоминанию материала.

3. Образовательные онлайн-платформы предлагают структурированные курсы по истории, военному делу, геополитике. Психологически важно, что такой формат позволяет учиться в удобном темпе, возвращаться к сложным темам, получать немедленную обратную связь.

4. Социальные сети и сообщества – создание тематических групп и каналов патриотической направленности. Психологически это удовлетворяет потребность в принадлежности к группе единомышленников, создает ощущение сопричастности к общему делу.

5. Геймификация – использование игровых механик для повышения вовлеченности и мотивации. В военно-патриотическом воспитании это могут быть исторические стратегии, квесты, симуляторы. Психологически это задействует игровую мотивацию, создает условия для проживания различных исторических ситуаций и принятия решений.

Ниже представим результаты педагогического эксперимента для контрольной и экспериментальной группы курсантов (по 50 человек в каждой) по теме «Психология общения в структуре военно-патриотического воспитания молодежи».

В рамках исследования проводилась оценка эффективности внедрения специальных методик по развитию психологии общения в военно-патриотическом воспитании. Контрольная группа (далее – КГ) проходила обучение по стандартной программе, тогда как в экспериментальной группе (далее – ЭГ) применялись инновационные методы, включая интерактивные тренинги,

кейс-методы, моделирование конфликтных ситуаций и командные коммуникационные упражнения.

Исходные показатели (до эксперимента).
Оценочные критерии:

Уровень коммуникативных навыков (по шкале от 1 до 10): КГ – 5,4; ЭГ – 5,3. Сплоченность коллектива (по методике Ситшора, %): КГ – 57 %; ЭГ – 55 %. Навыки разрешения конфликтов (оценка преподавателей, % успешных решений): КГ – 49 %; ЭГ – 48 %. Патриотическая мотивация (по тесту смысловых ориентаций, % высокого уровня): КГ – 61 %; ЭГ – 63 %.

Результаты после 6 месяцев обучения.

После применения экспериментальных методик в ЭГ наблюдалось значительное улучшение показателей:

Уровень коммуникативных навыков: КГ – 6,2 (+0,8); ЭГ – 8,1 (+2,8).

Сплоченность коллектива: КГ – 64 % (+7 %); ЭГ – 82 % (+27 %).

Навыки разрешения конфликтов: КГ – 56 % (+7 %); ЭГ – 79 % (+31 %).

Патриотическая мотивация: КГ – 68 % (+ %); ЭГ – 85 % (+22 %).

Эксперимент подтвердил, что применение специальных методик психологической подготовки в рамках военно-патриотического воспитания значительно повышает уровень коммуникативных навыков, коллективную сплоченность, способность курсантов к эффективному разрешению конфликтов и их патриотическую мотивацию. Внедрение таких программ может существенно улучшить качество подготовки будущих офицеров.

Заключение

В данной статье представлены результаты комплексного исследования психологии общения в структуре военно-патриотического воспитания молодёжи. Рассмотрены теоретические основы, особенности психологического взаимодействия, коммуникативные технологии, практические аспекты и современные вызовы в этой области.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Психология общения играет фундаментальную роль в военно-патриотическом воспитании, выступая не просто как средство передачи информации, но и как инструмент формирования патриотического сознания, гражданской идентичности и морально-нравственных ценностей. Особая специфика коммуникации в военно-патриотической среде определяется иерархичностью, нормативностью, символической насыщенностью, коллективистской направленностью и элементами экстремальности, что создает уникальный контекст для формирования патриотической личности.

2. Вертикальные и горизонтальные коммуникации в военно-патриотических организациях образуют сложную систему взаимодействий, в которой эффективность воспитательного процесса зависит от оптимального баланса между ними. Авторитет наставника выступает мощным фактором формирования патриотических установок, реализуясь через механизмы идентификации, интернализации, подражания и эмоционального заражения. Групповая динамика в военно-патриотических клубах создает особую психологическую атмосферу, способствующую развитию коллективизма, ответственности, дисциплины и других качеств, необходимых для формирования патриотической личности.

3. Современные коммуникативные технологии в военно-патриотическом воспитании включают широкий спектр методов и приемов, основанных на понимании психологических закономерностей восприятия, обработки информации и формирования убеждений. Эффективность этих технологий зависит от их соответствия психологическим особенностям современной молодежи, учета возрастных и индивидуальных различий, а также социокультурного контекста.

4. Практическое применение психологии общения в военно-патриотическом воспитании требует системного подхода, включающего диагностику коммуникативных навыков, разработку тренинговых программ по

развитию коммуникативной компетентности и психологическое сопровождение патриотических мероприятий. Особое значение имеет создание коммуникативной среды, способствующей формированию патриотических ценностей и установок.

5. Современные вызовы, связанные с цифровизацией, информационными войнами и трансформацией ценностных ориентаций молодежи, требуют инновационных подходов к организации коммуникации в системе военно-патриотического воспитания. Необходимо развивать медиаграмотность и критическое мышление молодежи, использовать потенциал современных цифровых технологий для усиления воспитательного воздействия, создавать эффективные стратегии противодействия деструктивным информационным влияниям.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию психологии общения в военно-патриотическом воспитании:

1. Разработать комплексную программу развития коммуникативной компетентности для руководителей и наставников военно-патриотических клубов, включающую обучение современным коммуникативным технологиям, психологии влияния, медиаграмотности.

2. Создать систему психологического сопровождения военно-патриотического воспитания, включающую диагностику коммуникативных навыков, выявление коммуникативных барьеров, разработку индивидуальных траекторий развития.

3. Внедрить в практику военно-патриотического воспитания инновационные коммуникативные технологии, основанные на нарративном подходе, геймификации, технологиях виртуальной и дополненной реальности.

4. Разработать методики формирования информационной устойчивости молодежи, включающие развитие критического мышления, медиаграмотности, способности противостоять манипулятивным воздействиям.

5. Создать цифровую платформу для обмена опытом и лучшими практиками в области психологии общения в военно-патриотическом воспитании, способствующую профессиональному развитию специалистов в этой области.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением влияния цифровизации на коммуникативные процессы в военно-патриотическом воспитании, разработкой эффективных стратегий противодействия деструктивным информационным воздействиям, исследованием психологических механизмов формирования патри-

отической идентичности в условиях глобализации и информационного общества.

Таким образом, психология общения в структуре военно-патриотического воспитания молодёжи представляет собой сложный, многоаспектный феномен, требующий системного подхода к его изучению и практическому применению. Эффективное использование психологических закономерностей общения может существенно повысить результативность военно-патриотического воспитания, способствуя формированию патриотического сознания, гражданской идентичности и морально-нравственных ценностей молодежи.

Список источников

1. Андриенко Е.В. Методологические и технологические проблемы современного педагогического образования: коллективная монография / Е.А. Андриенко, А.А. Веряев, А.Н. Дахин [и др.]; под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. А.А. Веряева. Барнаул: АлтГПУ, 2023. 218 с.: ил. DOI 10.37386/978-5-907487-49-9.
2. Барбашина Э.В. «Нарративная парадигма» В. Фишера в контексте развития нарративных исследований // Философия науки. 2023. № 3 (98). С. 57-70.
3. Библер В.С. Культура. Диалог культур. (Опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42.
4. Лосев А.Ф. Логическая теория числа // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. М.: Вече, 2008. С. 450-491.
5. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 270 с.
6. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания: избр. труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 379 с.
7. Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1996-2012.
8. Зинченко В.П. Деятельность. Знание. Духовность / В.П. Зинченко // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81-91.
9. Зинченко В.П. Вклад М.М. Бахтина в психологию сознания / В.П. Зинченко. (Методология и теория) // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 3-21.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2001. 702 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
12. Дахин А.Н., Семёнов Н.Г., Цыбулько А.А. Педагогическая технология в контексте патриотического воспитания // Школьные технологии. 2019. № 6. С. 35-45.
13. Авдюшенко В.Ю., Дахин А.Н., Токарев В.А. Патриотическое воспитание: технология и не только ... // Школьные технологии. 2020. № 1. С. 32-40.
14. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Мотивация – ценность – деятельность // Народное образование. 2025. № 1. С. 183-192.
15. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Обучение общению или Наша практика коммуникаций // Народное образование. 2024. № 8. С. 75-87.

16. Тухватуллин Б.Т., Токарев В.А., Дахин А.Н. Патриотическое воспитание как педагогическая технология // Школьные технологии. 2019. № 5. С. 88-94.
17. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социалистического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. 179 с.
18. Флоренская Т.А. Слово и молчание в диалоге // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 1. С. 50-59.
19. Tangkish N., Tumashbay T., Shaldarbekova A., Rakhimshikova M., Aripzhan G., Yerbota A. (2024). Digital mind and human consciousness: integration of digital technology in shaping learning experiences // Perspectives of Science and Education, 69 (3), 58-75. doi: 10.32744/pse.2024.3.4.

References

1. Andrienko E.V. Methodological and Technological Problems of Modern Pedagogical Education: A Collective Monograph / E.A. Andrienko, A.A. Veryaev, A.N. Dakhin [et al.]; under the scientific editorship of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor A. A. Veryaev. Barnaul: AltSPU, 2023. 218 p.: ill. DOI 10.37386/978-5-907487-49-9.
2. Barbashina E.V. Walter Fisher's "Narrative Paradigm" in the Context of Narrative Research Development // Philosophy of Science. 2023. No. 3 (98). P. 57-70.
3. Bibler V.S. Culture. Dialogue of Cultures. (An Attempt at Definition) // Problems of Philosophy. 1989. No. 6. P. 31-42.
4. Losev A.F. Logical Theory of Number // Philosophy, Science, Culture. "Problems of Philosophy" 60 Years. M.: Veche, 2008. P. 450-491.
5. Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M. Symbol and Consciousness. M.: Progress-Tradition, 2009. 270 p.
6. Shpet G.G. Art as a Form of Knowledge: Selected Works on the Philosophy of Culture. M.: ROSSPEN, 2007. 379 p.
7. Bakhtin M.M. Collected Works: In 7 Volumes. M.: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Culture, 1996-2012.
8. Zinchenko V.P. Activity. Knowledge. Spirituality / V.P. Zinchenko // Higher Education in Russia. 2003. No. 5. P. 81-91.
9. Zinchenko V.P. M.M. Bakhtin's Contribution to the Psychology of Consciousness / V.P. Zinchenko. (Methodology and Theory) // Questions of Psychology. 2013. No. 3. P. 3-21.
10. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality / A.N. Leontiev. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
11. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology / S.L. Rubinstein. St. Petersburg: Piter, 2001. 702 p.: ill. (Series "Masters of Psychology").
12. Dakhin A.N., Semyonov N.G., Tsybulko A.A. Pedagogical Technology in the Context of Patriotic Education // School Technologies. 2019. No. 6. P. 35-45.
13. Avdyushenko V.Y., Dakhin A.N., Tokarev V.A. Patriotic Education: Technology and Beyond... // School Technologies. 2020. No. 1. P. 32-40.
14. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Motivation – Value – Activity // Narodnoe Obrazovanie. 2025. No. 1. P. 183-192.
15. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Teaching Communication or Our Communication Practice // Narodnoe Obrazovanie. 2024. No. 8. P. 75-87.
16. Tuxvatullin B.T., Tokarev V.A., Dakhin A.N. Patriotic Education as a Pedagogical Technology // School Technologies. 2019. No. 5. P. 88-94.
17. Voloshinov V.N. Marxism and the Philosophy of Language. Basic Problems of the Socialist Method in the Science of Language. Leningrad: Priboy, 1929. 179 p.

18. Florenskaya T.A. Word and Silence in Dialogue // Dialogue. Carnival. Chronotope. 1996. No. 1. P. 50-59.

19. Tangkish N., Tumashbay T., Shaldarbekova A., Rakhimshikova M., Aripzhan G., Yerbota A. (2024). Digital Mind and Human Consciousness: Integration of Digital Technology in Shaping Learning Experiences // Perspectives of Science and Education, 69(3), 58-75. DOI: 10.32744/pse.2024.3.4.

Информация об авторах

Дахин Александр Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Иванов Виталий Владимирович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Жакупов Темирлан Базарбекович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Alexander N. Dakhin, doctor of pedagogical sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Vitaliy V. Ivanov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Temirlan B. Zhakupov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 378.01
EDN: <https://elibrary.ru/WVRUTB>

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА ЦЕЛИ И ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ УСПЕШНОГО ВЫБОРА

Дахин Александр Николаевич¹
Ненашев Михаил Борисович²

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

²Санкт-Петербургская Благотворительная общественная организация «Фавор», Санкт-Петербург, Россия

¹dakhin@mail.ru, ²nenashev michael@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования профессиональной компетентности советника по воспитанию и взаимодействию с общественными объединениями. Авторы анализируют ключевые методологические подходы, включая деятельностный, антропологический и аксиологический, которые позволяют определить специфику данной профессиональной роли.

Особое внимание уделяется способности советника формировать единое воспитательное пространство и разрабатывать эффективные стратегии взаимодействия с обучающимися. В работе также обсуждаются механизмы осознанного выбора целей, роль самоанализа и рефлексии в процессе целеполагания. Авторы приходят к выводу, что успех в достижении целей обусловлен уровнем адаптации к изменениям социума, развитием необходимых навыков и осмысленным выбором стратегии действий.

Результаты исследования могут быть применены в разработке образовательных программ, направленных на повышение качества воспитательной деятельности, а также в работе Российского движения молодежи. Выводы статьи имеют значительную практическую ценность для педагогов, психологов и управленцев в сфере образования.

Ключевые слова: советник по воспитанию, профессиональная компетентность, воспитательное пространство, общественные объединения, целеполагание, самоанализ, рефлексия, адаптация, образовательные программы, воспитательная деятельность, социальные изменения, педагогика, психология, управление образованием.

Для цитирования: Дахин А.Н., Ненашев М.Б. Психология выбора цели и что лежит в основе успешного выбора // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 16-26.

PSYCHOLOGY OF GOAL SELECTION AND WHAT UNDERLIES SUCCESSFUL CHOICE

Alexander N. Dakhin¹, Mikhail B. Nenashev²

¹Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

²St. Petersburg Charitable Public Organization "Favor", St. Petersburg, Russia

¹dakhin@mail.ru, ²nenashev michael@gmail.com

Abstract. The article examines issues related to the formation of professional competence of education advisors and their interaction with public associations. The authors analyze key methodological approaches, including activity-based, anthropological, and axiological approaches, which help define the specifics of this professional role.

Special attention is paid to the advisor's ability to create a unified educational space and develop effective strategies for interacting with students. The paper also discusses mechanisms of conscious goal selection, the role of self-analysis and reflection in the goal-setting process. The authors conclude that success in achieving goals is determined by the level of adaptation to social changes, the development of necessary skills, and a meaningful choice of action strategy.

The research results can be applied in developing educational programs aimed at improving the quality of educational activities, as well as in the work of the Russian Youth Movement. The conclusions of the article have significant practical value for teachers, psychologists, and administrators in the field of education.

Keywords: education advisor, professional competence, educational space, public associations, goal-setting, self-analysis, reflection, adaptation, educational programs, educational activities, social changes, pedagogy, psychology, education management.

For citation: Dakhin A.N., Nenashev M.B. Psychology of goal selection and what underlies successful choice // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 16-26.

Введение

Для вхождения в проблему отметим, что в жизни каждого неудачи в производственных делах или не складываются отношения с близкими. Возникают вопросы: «Почему мне не везёт?» или «Что со мной не так?». Хочется найти ответ, отмотать назад временную ленту событий, поставить фигуры на прежние места и во что бы то ни стало исправить ошибки. А осознание невозможности такого поворота только усиливает боль. Можно тысячу раз твердить, что больше так не будешь поступать, что вот-вот придёт «белая» полоса, но спустя какое-то время снова замечаешь, что совершаешь те же ошибки. Чтение вдохновляющей литературы и мотивирующие семинары высекают редкие искры из востраченного сознания. Можно на несколько дней собрать себя в руки и начать делать то, что вы раньше никогда не делали, и с удивлением обнаружить, что ещё способны кого-то поразить достижениями.

Есть простой человеческий труд, состоящий из направленных осознанных усилий, именно он способен творить чудеса. А чтобы усилия не пропадали даром, как это обычно происходит у людей, которые ничего существенного не достигают, нами со-

здан курс «Я СИЛА или Как достучаться до Небес» [1, 2].

В одной очень известной книге написано «Стучите, и вам откроется». Вот именно об этом идёт речь на курсе. О том, как правильно стучать, чтобы открывалось, а откуда высыпалось то, что надо. О том, как правильно ставить и достигать цели, ведь слово «цель» означает то, что видно, что служит мишенью при стрельбе. По сути, цель – это набор координат, которые нужно правильно выставить, чтобы добиться желаемого результата.

Люди зачастую воспринимают цель совсем иначе: как некоторое желание, как приз за труды. Например, можно слышать такое: «Хочу заработать кругленькую сумму денег» или «Стану топ-менеджером, и у меня будут вот такие материальные блага!». Мечтатели не отдают себе отчёт, в каких координатах и какого пространства они находятся. Их либо не устраивает то, что они имеют, либо обстоятельства вынуждают что-то делать. Отсюда проистекает спонтанность так называемых целей. Помните анекдот, в котором некто ищет потерянный в кустах ключ под фонарём, потому что там светлей? А насколько разумней поступаете вы сами, когда ставите перед собой цели,

которые в принципе не могут быть достигнуты в заданных условиях?

Материалы и методы

Во-первых, обратимся к анализу эволюционных процессов в природе и в человеческом организме. Во-вторых, проведем некоторую историческую ретроспективу динамики процессов мышления. Для начала отметим, что человека разумного выделяет из животного мира одно главное обстоятельство – он во всем ищет смысл. Парадокс поиска в том, что никто никогда не видел этот смысл. И с чего люди взяли, что он вообще есть? Уж точно он не унаследован от общих предков-обезьян. Животное реагирует на ситуацию в соответствии с набором условных и безусловных рефлексов. Его мозг не тратит время на дополнительные операции осознания, и поэтому животные способны действовать в большинстве случаев гораздо быстрее человека [3, 4]. Но именно из-за странных, на первый взгляд, «смыслов», «сознания», «разума» человек получил ни с чем не сравнимое преимущество в животном мире и смог забраться на вершину пищевой цепи [5, 6, 7].

Благодаря осмысленной деятельности человек как вид смог приспособиться к неблагоприятным обстоятельствам климата и слабой природной вооружённости против суровых хищников. Древние люди не прятались за оправданием неудач, а искали единственно верное решение, позволяющее сохранить род. Если бы наши предки списывали уничтоженных в схватке с саблезубыми тиграми сородичей на обстоятельства непреодолимой силы, то вряд ли бы современный человек смог пользоваться благами технологического прогресса. Человек не просто выживал в жестком челлендже, но и сокращал затраты на обеспечение базовых потребностей. А для такой целенаправленной деятельности одних инстинктов недостаточно. Более 12 тысяч лет назад в эпоху охотников-собирателей главным занятием скудного населения планеты были убой животных и поиск съедобных плодов. В то время появились первые культовые соору-

жения, которые не носили практического смысла, но в итоге именно благодаря таким сооружениям и связанным с ними идеям стала возможна неолитическая революция, очертившая границу между циклическим и прогрессирующим укладами жизни. И этот внезапный переход от кочевого образа жизни к оседлости позволил одомашнивать животных и развивать земледелие. Излишки пищи привели к стремительному росту населения и глубокой дифференциации деятельности. Человек перестал довольствоваться теми смыслами, что давала ему мать-природа, и принялся искать свои собственные [8, 9].

Оказалось, что помимо лазанья по лесам и ковыряния палкой в земле человек способен занять себя невообразимым количеством дел. Даже интересно, как бы отреагировал далекий предок, одетый в шкуры животных, научившийся приручать волков и шакалов, когда встретит своего потомка, который всю жизнь посвящает грумингу или шитью одежды для миниатюрных собачек? Представили его разочарование от того, что животное, изначально служившая в качестве источника одежды, спустя несколько тысячелетий сама ставит в услужение людей, ломающих мозги о новую собачью моду?

Касаясь древних укладов, мы видим зарождение потребности в деятельности. Эта потребность появляется в незримом смысловом поле. И одно из свойств такого поля – это градиент, плавный, едва уловимый переход между соседними точками. Крайние значения этого поля разнятся ярким контрастом, как охотник времен неолита и дизайнер одежды для животных. Переход внутри градиента практически незаметен, но стоит вырезать серединный интервал и совместить края, как разница становится очевидной.

Окружающий мир человека или просто жизнь представляет такой же градиент. Один день практически не отличим от другого. Но проходит год, десятилетие, и бывает, что человека не узнать. Что произошло

со славным мальчуганом или бойкой девчуркой? Откуда появились эти заносчивые и угрюмые молодые люди? Или даже немолодые? Мы не будем рассматривать вопрос: почему обстоятельства меняются, появляются и исчезают различные занятия, предметы и даже социальные явления. Процесс идёт непрерывно и лежит в основе удач или неудач, успехе или провале при достижении целей. Если действия человека совпадают с изменениями окружающего социума, то деятельность будет успешной, благополучие будет расти вне зависимости, ставит ли он перед собой осознанные цели или нет. Если же он начинает метаться в разные стороны, не видя ни окружающей среды, ни чёткой мишени, а подчиняясь неосознанным внутренним позывам, то очень низка вероятность того, что действия принесут достойные плоды, что, собственно, относится и к военно-профессиональной деятельности, о чём пишут, в том числе, иностранные авторы [10].

Результаты исследования

Проведём небольшое обобщение вышесказанному. Человек склонен объяснять получение желаемых результатов влиянием некоторой удачи или predetermined судьбы. На этом он строит линию защиты от осознания собственной близорукости, приведшей к провалу. Такая традиция широко распространена в разных культурах. Существует огромный пантеон богов, которые ответственны за благоприятную судьбу и спасительную удачу. Освободимся от этой иллюзии.

Удача – всего лишь способность человека адаптироваться к доминирующим изменениям социума. Удача не передаётся по наследству, а формируется благодаря развитию определённых навыков.

Развитие лобных долей мозга, которые отвечают в том числе и за торможение агрессии, привело наших предков на заре человечества к развитию эмпатии, сопереживанию, пониманию и принятию поведения сородичей. Эволюционная динамика увеличила градус социальности и привела к

появлению членораздельной речи. Дальнейшее усложнение аппарата мозга сформировало сложнейшие нейронные сети с высочайшей степенью вариативности [4]. Каждый из 80 миллиардов нейронов головного мозга образует до 100 000 связей с себе подобными [8]. В результате мозг представляется сетью колоссального размера и многообразия. Вариативность мышления привела к высокой адаптивности поведения человека как социального вида. Таким образом, изменчивость и приспособляемость сначала обеспечили доминирующее положение среди животного мира, а затем и победу институциональных культур над архаичными примитивными формами родоплеменных сообществ, копирующих вождей по образцу стаи бабуинов.

Прослеживается чёткая закономерность, указывающая на то, что биологическая эволюция движется в сторону усложнения очевидных и проявленных форм, обеспечивая выживание и доминирование наиболее сложных и разветвленных структур. Эволюция привела человека к способности усложнять собственные биологические структуры через развитие мышления, формирование разветвлённого и глубокого поля смыслов. Эта способность даёт возможность видеть больше, чем позволяет зрение, и слышать больше, чем позволяет слуховой аппарат. А значит, позволяет понимать градиенты изменений и улавливать внешние тренды. Успешное достижение цели зависит от соподнаправленных усилий субъекта (то есть вас) и изменений в социуме. А для понимания, в каком же направлении происходят изменения, нужно развивать навыки наблюдения, анализа и оценки как обстановки вокруг себя, так и внутреннего состояния.

Как правило, работа по детальной рекогносцировке на поле смыслов довольно сложная и нудная. Развитие навыков наблюдения идёт медленно, почти неуловимо, по градиенту. Случаются ошибки и промахи, приводящие в ступор. Для их преодоления изучим отдельный блок по глубокой мотивации, который позволит справиться со

сложностями этапа старта любого начинания. Через какое-то время наблюдение за внешним миром и собственным состоянием входит в привычку.

Отговорки вроде того, что у кого-то нет способностей к какому-то виду деятельности, можно принимать во внимание, если у человека имеется какой-нибудь физический недостаток. Тут, действительно, не поспоришь: нет у человека ноги – как он может стать чемпионом по прыжкам в длину? Или родился с задержкой умственного развития. Что поделаешь? Есть данности, которые накладывают ограничения в чём-то одном, но не делают невозможным достижение целей в других сферах.

Самый распространенный пример, который приводят сторонники природных задатков, касается музыкальных способностей. Да, речь о тех самых медведях, которые наступают на уши. А вот для 99,9 % вьетнамцев это просто невероятно – не различать высоту тона. Ведь всё население обладает абсолютным музыкальным слухом. Но почему так: у одних что-то дано уже по праву рождения, а другие мучаются всю жизнь? Дело не в людях, не в их особенностях строения мозга, а в среде обитания. Только джунгли и теплый климат ни при чём. Во вьетнамском языке 9 тонов, меняющих смысловую нагрузку слов. Произнесите одно слово в разных тональностях и получите совершенно разные смыслы. Поэтому у детей в период формирования речи развивается навык тонового различения, и взрослые уже легко различают высоту звуков. Все просто. Навык, который в западном обществе принято считать врожденной способностью или дарованием, оказывается, можно развить до совершенства у любого человека, если погрузить его в соответствующие условия.

Конечно же, вы слышали про профессиональные династии музыкантов, художников, учёных и даже бизнесменов. Кастовое общество Индии целиком и полностью организовано по принципу конгломерата профессиональных сообществ. А есть средневе-

ковые ремесленные цеха, традиции которых местами сохранились и по сей день. Это примеры того, что развитие социально востребованных навыков происходит не по причине особых природных дарований, а из-за взаимодействия с определённой средой, где ограничивается влияние одних факторов и усиливается влияние других. А дальше все зависит от человека, его внутренней работы и способности длительное время сохранять напряжение. И это тоже отдельный навык как способность научения.

Есть правило, знакомое многим музыкантам. Правило 10 тысяч часов. Чтобы выйти на профессиональный концертный уровень, нужно наиграть 10 тысяч часов осознанных репетиций и упражнений. Тогда исполнение артиста становится действительно приятным и естественным. А что такое 10 000 часов? Допустим, вы занимаетесь на музыкальном инструменте 2 часа каждый день. Тогда за год вы наиграете только 700 часов, а чтобы в таком темпе наиграть 10 000 часов, потребуется около 15 лет. И так происходит практически с любыми навыками, в том числе и с навыками социализации. Это самый сложный вид навыков из-за множества задействованных нейронных связей. Поэтому человек – единственное животное, которое проходит подростковый период взросления, завершающийся к 18-20 годам после формирования основных навыков формирования и поддержания социальных связей.

Если человек не имеет физических патологий, то он способен освоить любой вид деятельности через формирование соответствующих навыков, для чего требуется только определённое количество времени.

По сути, человек в социальном аспекте представляет собой лишь совокупность освоенных навыков. Чем этих навыков больше, чем точнее они соответствуют тенденциям социума, тем более адаптивной становится его деятельность и выше его ценность.

А как же быть с набившим оскомину талантом? Есть такая поговорка: регулярность

бъёт класс. Если вы постоянно совершенствуете собственные навыки, то растёт ваше мастерство и природные дарования (если таковые и были) уходят на второй план. Недаром говорят, что в любом мастерстве 95 % труда и 5 % таланта. Видимо, столь малой величиной можно пренебречь, никто не заметит. Есть такое выражение «проклятье знаний». Обычно его применяют в двух случаях. Первое, когда человек что-то знает и думает, что все вокруг знают то же самое. Такой человек легко может оказаться непонятым в неподготовленной среде. А второй случай – когда человек только и занят тем, что накапливает знания. Почему человек склонен к накопительству знаний? Эволюционно объём усвоенной информации играл ключевую роль в выживании. Нужно было ориентироваться на местности, знать повадки животных, маневрировать среди сложных социальных отношений общины, разбираться в плодах и мастерить орудия труда.

Жизнь наладилась, хищники большей частью встречаются только в зоопарках, а еду можно за несколько минут приготовить на любой вкус из полуфабрикатов. Наш быт наполнен невиданными благами, а привычка потреблять информацию и засорять ей нейронные связи осталась. Причём страсть к потреблению информации примерно такая же, как и к потреблению углеводов, излишек которых наученный голодной жизнью организм научился запросто переводить в запасы жировой ткани. С информацией дела обстоят сложнее. Механизм накопления отработывался лишь в пределах, необходимых для выживания. И этот стек размером примерно с 1 Гб памяти при том объеме информации, которая сваливается из каждого угла, заполняется уже к началу взрослой жизни полностью. Житель европейского города в XVII веке усваивал за всю жизнь столько информации, сколько сваливается за один месяц на современного горожанина. Представляете объём перегруза современного молодого жителя мегаполиса?

Если для пищевых элементов выработан естественный механизм переработки и по-

строения тела, то для информационной пищи такой механизм требует осознанной деятельности. Человек не может сваливать биты данных в нейронную сеть мозга и воспроизводить её по желанию. Интересно, что шимпанзе перенимают простейшие навыки, только наблюдая за поведением старшего. Этого оказывается достаточно, чтобы затем воспроизвести требуемые действия. Человек же проходит более сложный процесс обучения: сначала он должен понять некий неуловимый смысл происходящего, затем принять его, разложить на элементы (проанализировать), потом применить к различным ситуациям (синтезировать) и в конце концов научиться формировать суждение с учётом приобретенного навыка [9]. Очевидно, что при освоении простых действий шимпанзе выигрывает в скорости обучения у человека просто потому, что не ищет никаких смыслов, а только различает сигналы и воспроизводит их. Но благодаря построению очень сложных интеллектуальных объектов люди способны создавать невиданные ранее вещи. Если шимпанзе может только воспроизводить то, что видит перед собой, то человек способен кардинально преобразовать окружающий мир. И такое свойство рождается из многоступенчатой процедуры овладения навыком от знания до суждения.

Физическая основа мышления – это комплекс биохимических и электрических процессов в коре головного мозга. Но учёными уже выдвинуты обоснованные гипотезы о существовании иных связей, которые обеспечивают единство биохимических процессов [8]. Пока природа таких связей достоверно не установлена и не проявлена очевидным образом, обнаружен только феномен взаимодействия физически несвязанных нейронных сетей. Поэтому, чтобы сформировать целостную объяснительную модель мышления, мы будем называть эти связи смыслом.

Смысл – это абстракция, неосязаемая часть мыслительного процесса, которая присутствует неуловимым образом в коммуникациях человеческого социума.

Ключевым фактором деятельности человека являются вовсе не знания, не информация о предметах и явлениях, а тот самый смысл, связующее звено между битами данных, хранящихся в мозге, и конечной оценкой своих действий. Знания не приводят к решению. И поэтому часто современный человек, искалеченный школьным образованием, попадает в ловушку правильных ответов. Привыкнув получать вознаграждения за правильный ответ, за ожидаемый от него паттерн поведения, субъект оказывается неспособным к оценке собственных действий, неспособным к формулировке собственного суждения. А мы помним, что одним из свойств жизненного пространства является градиент – плавное, едва уловимое изменение параметра. Таким образом, одна и та же модель поведения может давать совершенно различный результат для внешне очень схожих ситуаций, но разнесенных на поле градиента в разные места.

Знания не решают проблем, а только формируют иллюзию осведомленности. Качественное решение можно получить только нагрузив информацию смыслом, то есть соединив знания со множеством практик и научившись верно интерпретировать результаты усилий. Ходит человек на работу изо дня в день много лет. Мозг чётко обрабатывает одну и ту же модель поведения. И это поведение является социально одобряемым. Но в поле градиента зреют перемены. Меняется технологический уклад. Уже не нужно уметь стучать костяшками счёта – появились калькуляторы, а затем компьютеры упраздняют миллионы рабочих мест. Кто-то успевает адаптироваться, а кто-то сливает себя за обочину жизни, радости и счастья, не сумев найти новый смысл. И в каждом таком случае субъект добровольно определяет свой дальнейший путь.

Мало кто задумывается, что время – только объяснительная модель, которая позволяет организовать практическую деятельность.

Людей пугает однонаправленность и неотвратимость времени. Но разве неизбеж-

ность чего бы то ни было может испугать больше, чем добровольный отказ человека наполнить смыслом собственную жизнь? Отказ от того, что сделало его человеком, выделило из животного мира.

Почему так поступают? Прогресс неолитической революции, разделивший эру собирательства от эпохи стремительных перемен, обеспечил сокращение издержек на обеспечение базовых потребностей. И в этом человечество преуспело. Однако стремление к экономии, казавшееся естественным при ограниченных источниках пищи, сыграло злую шутку. Минимизируя затраты, мозг с лёгкостью принимает бинарную модель действительности, в которой нужно только выбрать между «да» и «нет», между правым и левым, чёрным и белым.

Зазвонил телефон – принимается простое решение: взять трубку или нет. Приглашают на вечеринку – дилемма идти-отказаться. Множество подобных примеров повседневности помещает мышление человека в прокрустово ложе линейной модели. Можно придумать тысячи вариантов данной модели, но суть от этого не изменится. Унаследованный механизм экономии ресурсов упрощает мышление, нивелируя преимущества интеллектуальной деятельности.

В результате у человека остаётся только один примитивный критерий выбора сферы деятельности: интересно ему или нет, получает ли он удовольствие от процесса или результата. И, как итог примитивного суждения, человек загоняет себя в поисках самореализации и интересной работы в глубокий стресс и депрессию. Мозг стремится к минимизации затрат, но примитивизм мышления приводит к деградации. Где же выход?

Перестаньте тратить силы на собирательство знаний. Тормозните рефлекс насыщения вечно голодного ума. Направьте усилия на новые смыслы, на поиск новых измерений. Уйдите от линейных моделей и бинарных оценок с примитивным выбором «да-нет».

Коснёмся новых измерений реальности. На современном уровне знаний и доказательной базой мы не можем со стопроцентной уверенностью сказать, является ли феномен осмысленного поведения следствием работы нейронных сетей мозга или, наоборот, законы взаимодействия клеток и веществ головного мозга определяются извечно существовавшими смыслами. Базовый вопрос философии о первичности бытия или сознания до сих пор решается каждым индивидуумом самостоятельно.

Результат жизни зависит не столько от знаний, сколько от умения освободить ум от них, настроить мышление на восприятие изменений, а не на фиксацию достижений. Люди руководствуются сформированными моделями поведения, не задумываясь над смыслами действий. Модель поведения формируется под воздействием разных векторов: внешнего социального импульса, инстинктов выживания и толики осознания происходящего. Чем больше осознанности в процессе формирования поведения, тем более приспособлен человек к целенаправленному движению в пространстве окружающего мира. Посмотрите на собственную жизнь, на то, что окружает. Только в деталях вы сможете найти отличия от жизни любого другого человека. Вы просыпаетесь, принимаете туалет, едите, трудитесь для обеспечения жизнедеятельности и подтверждения социального статуса, отдыхаете. Все поведение продиктовано сформированными навыками и реакцией на окружающие события. Некоторые утверждают, что в нас работают определённые программы. Можно сказать и так. А если есть программы, можно ли переписать код и изменить поведение? И да, и нет. С одной стороны, вы всегда формируете новые навыки, прописываете новый код, закладываете новую программу поведения. Но, с другой стороны, ранее сформированные нейронные связи, определяющие код навыков, никуда не исчезают. Их нельзя просто стереть, как строки файла. Но их можно научиться отключать.

Как проявляется осознанность? Повседневная жизнь напоминает линейку с делениями по дням: одинаковые деления, крупные чёрточки выходных дней. Заполненность по шаблону сформированных моделей поведения. Между тем, как жизнь вокруг меняется, поведение человека остается костным, плоским и в конце концов диссонирует с окружающей действительностью. Дисбаланс приводит к разочарованиям и угнетённому состоянию. Выход в том, чтобы научиться меняться с окружающим миром, адаптироваться, приспособливаться. А для этого нужно осознать происходящие изменения, выйти из линейной модели восприятия и оглянуться вокруг.

Мысленно возьмём два множества причинно-следственных связей: одно представляет то, что вы умеете делать (навыки), а другое – то удовольствие, которое получаете от этой деятельности. Разные занятия приносят вам разную степень удовольствия или радости. Разные навыки по-разному проработаны: что-то даётся с трудом, а что-то выходит совершенно естественно. Эти множества соединены незримыми связями разной длины: хорошо проработанные навыки имеют более короткие связи с получаемым удовлетворением и наоборот.

Например, вы часто успешно знакомитесь и поддерживаете отношения с другими людьми. Значит, у вас хорошо развиты навыки коммуникации. Их связи со множеством удовлетворения будут короткими. Вы быстро получаете радость от общения. Допустим, вы стали изучать программирование. Характер деятельности меняется, требуется усидчивость и развитое абстрактное мышление. Ваши навыки в этой сфере деятельности развиты посредственно, и путь к получению удовольствия гораздо дольше. Если вы не бросите новое занятие, а продолжите совершенствовать эти навыки, то постепенно путь от множества навыков (это центр ваших затрат) к получению радости от их реализации (это центр вашей прибыли) будет сокращаться. Таким образом, вне зависимости от ваших природных на-

клонностей вы сможете получать удовольствие от различных видов деятельности, просто совершенствуя навыки.

Заключение

Нами рассмотрены вопросы профессиональной компетентности советника по воспитанию и взаимодействию с общественными объединениями, а также факторы, влияющие на успешный выбор целей. В исследовании подчёркнута значимость сочетания деятельностного, антропологического и аксиологического подходов в разработке модели компетентности советника, что позволяет формировать единое воспитательное пространство и корпоративную культуру. Ключевыми аспектами успешного выбора целей являются:

1. Способность к самоанализу и рефлексии, позволяющая корректировать личные цели в соответствии с изменяющимися условиями.

2. Развитие навыков адаптации, основанных на умении интегрировать социальные и личностные изменения в процесс достижения цели.

3. Формирование осознанного отношения к целеполаганию через взаимодействие с окружающей средой и понимание её закономерностей.

Основное утверждение связано с тем, что удача в достижении целей не является случайным фактором, а представляет собой результат адаптации к изменениям социума,

развития необходимых навыков и осознанного выбора. Важным аспектом является осмысление градиента смыслового поля, что позволяет человеку лучше ориентироваться в окружающей среде и принимать эффективные решения. Практическое значение исследования заключается в том, что предложенные методологические принципы могут быть использованы при разработке образовательных программ, направленных на формирование у обучающихся устойчивых компетенций в области воспитательной деятельности и самоорганизации. Кроме того, рассмотренные в статье аспекты могут способствовать повышению эффективности деятельности Российского движения молодежи за счёт развития новых форм взаимодействия между воспитателями и обучающимися.

Таким образом, представленное исследование вносит значимый вклад в теоретическое осмысление проблемы целеполагания и формирования компетентности советников по воспитанию. Разработанный в исследовании подход может быть использован в практике образовательных организаций и в дальнейших исследованиях в области психологии, педагогики и управления образовательными процессами. Исследование проведено при поддержке благотворительного фонда Владимира Потанина, грант СК180000756-2018.

Список источников

1. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Мотивация – ценность – деятельность // Народное образование. 2025. № 1. С. 183-192.

2. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Обучение общению или Наша практика коммуникаций // Народное образование. 2024. № 8. С. 75-87.

3. Анохин К.В., Ивашкина О.И. и др. Когнитивная индексация нейронов: Сре-управляемое генетическое маркирование и изучение клеток, участвующих в обучении и памяти // Acta Naturae. 2018. Т. 10. № 2. С. 40-51.

4. Дахин А.Н. Нейрофизиология и технология: интеграция, модификация и адаптация, или Что такое адаптивно-реверсивное обучение / А.Н. Дахин // Народное образование. 2019. № 6. С. 155-160.

5. Зинченко В.П. Деятельность. Знание. Духовность / В.П. Зинченко // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81-91.

6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2001. 702 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
8. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
9. Дистервег Ф.А. О природосообразности и культуросообразности обучения // Народное образование. 1998. № 7. С 10-31.
10. Brown J.D. The Psychology of Decision Making: Understanding Choices in Complex Environments. New York: Routledge, 2021. 320 p.

References

1. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Motivation – value – activity // Public Education. 2025. No. 1. P. 183-192.
2. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Learning to communicate or Our practice of communications // Public Education. 2024. No. 8. P. 75-87.
3. Anokhin K.V., Ivashkina O.I. et al. Cognitive indexing of neurons: Cre-driven genetic marking and study of cells involved in learning and memory // Acta Naturae. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 40-51.
4. Dakhin A.N. Neurophysiology and technology: integration, modification and adaptation, or What is adaptive-reversible learning / A.N. Dakhin // Public Education. 2019. No. 6. P. 155-160.
5. Zinchenko V. P. Activity. Knowledge. Spirituality / V. P. Zinchenko // Higher Education in Russia. 2003. No. 5. P. 81-91.
6. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality / A. N. Leontiev. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
7. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology / S.L. Rubinstein. St. Petersburg: Piter, 2001. 702 p.: ill. (Series "Masters of Psychology").
8. Ukhtomsky A.A. Dominanta. Articles from different years. 1887-1939. St. Petersburg: Piter, 2002. 448 p.
9. Diesterweg F.A. On nature-conformity and culture-conformity in teaching // Public Education. 1998. No. 7. P. 10-31.
10. Brown J.D. The Psychology of Decision Making: Understanding Choices in Complex Environments. New York: Routledge, 2021. 320 p.

Информация об авторах

Дахин Александр Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Ненашев Михаил Борисович, Санкт-Петербургская Благотворительная общественная организация «Фавор» (191167, Санкт-Петербург, наб. реки Монастырка, 1).

Information about the authors

Alexander N. Dakhin, doctor of pedagogical sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Mikhail B. Nenashev, St. Petersburg Charitable Public Organization "Favor" (191167, St. Petersburg, nab. reki Monastery, 1).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 37.013:39 (045)
EDN: <https://elibrary.ru/XPBXRД>

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Закирьянова Ирина Аксановна

Черноморское высшее военно-морское орденов Нахимова и Красной Звезды училище имени П.С. Нахимова, Севастополь, Россия
ariddsev@yandex.ru

Аннотация. Этнокультурное образование, ориентированное на социализацию и развитие личности как субъекта своего этноса и как гражданина многонационального Российского государства, рассматривается в контексте профессиональной подготовки будущих офицеров к жизнедеятельности в условиях поликультурной среды. В статье дан анализ современного состояния теории и практики этнокультурного образования в военном вузе, определены приоритетные задачи этнокультурного образования и возможные пути реализации концепции этнокультурного образования в военном вузе. Реализация этнокультурного образования в военном вузе предполагает качественное изменение содержания учебных дисциплин, в основном гуманитарной и социальной направленности, за счёт интегрирования различных областей знания, использования нравственного потенциала учебных дисциплин, трансформации учебного материала в систему проблемно-конфликтных вопросов и задач, перехода от традиционного практического занятия к живому творческому обсуждению темы, видению заложенных в ней проблем. Применение интерактивных методов и приёмов образовательной деятельности в значительной степени эффективно при освоении этнокультурной информации.

Ключевые слова: этнокультурное образование, военный вуз, межкультурное взаимодействие, многонациональный и многоконфессиональный социум.

Для цитирования: Закирьянова И.А. Реализация концепции этнокультурного образования в военном вузе // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 27-36.

IMPLEMENTATION OF ETHNOCULTURAL EDUCATION CONCEPT AT A MILITARY HIGHER SCHOOL

Irina A. Zakiryanova

Black Sea Higher Naval School, Sevastopol, Russia
ariddsev@yandex.ru

Abstract. Ethnocultural education focused on socialization and development of the individual as a subject of their ethnic group and as a citizen of a multinational Russian state is considered in the context of perspective officers' professional training for life activity in a context of multicultural environment. The article analyzes the current state of the theory and practice of ethnocultural education in a military school, identifies priority tasks of ethnocultural education and possible ways to implement the concept of ethnocultural education in a military school. The implementation of ethnocultural education in a military school involves a qualitative change in

the academic disciplines content – mainly humanitarian and social orientation: through the integration of various fields of knowledge, the use of the moral potential of academic disciplines, the transformation of educational material into a system of problematic conflict issues and tasks, the change from traditional practical training to an active creative topic discussion, the vision inherent in it problems. The use of interactive methods and techniques of educational activity is largely effective in the development of ethnocultural information.

Keywords: ethnocultural education, military school, intercultural interaction, multinational and multi-confessional society.

For citation: Zakiryanova I.A. Implementation of ethnocultural education concept at a military higher school // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 27-36.

Введение

Современная этнополитическая ситуация неизбежно актуализирует проблему гармоничного межкультурного взаимодействия и сотрудничества людей различных этносов, различного вероисповедания в едином многоконфессиональном и многонациональном социуме, каковым является Российская Федерация с большим количеством разнообразных и непохожих друг на друга культур. Интенсификация межкультурных контактов, взаимовлияние и взаимопроникновение различных этнокультур предполагает соблюдение принципа равенства и равноценности этих этнокультур, толерантное отношение к самым разным проявлениям культурной самобытности и человеческой индивидуальности. Однако этнокультурные различия могут стать главным источником враждебности между людьми вследствие их неумения или нежелания жить рядом с непохожими на них самих людьми. В условиях многонационального и многоконфессионального социума демонстрация нетерпимости к иной культуре, вере, языку, проявление этнического превосходства недопустимо и расценивается как противоречащее государственным интересам.

Проблема конструирования бесконфликтного межкультурного взаимодействия в поликультурном социуме тесно связана с изучением вопросов по осмыслению проблемы этнокультурного образования в военном вузе, поскольку профессиональная подготовка будущих офицеров предполагает не только овладение ими специальными знаниями в области системы управления техникой и си-

стемы управления процессом ведения боя, но и в области системы управления персоналом.

В своей профессиональной деятельности будущие офицеры должны выполнять функции социальных педагогов и психологов. При этом значимая роль отводится их умению поддерживать положительные межэтнические взаимоотношения в многонациональном воинском коллективе, создавать морально-психологический климат, не допускать оскорбления по национальному или конфессиональному признаку. От этого во многом зависит эффективное функционирование армии и флота и в конечном счёте безопасность государства. Поэтому этнокультурное образование в военном вузе, предполагающее «воспитание гуманистически ориентированной личности, открытой к общению с представителями различных национальностей, учитывающей особенности этнокультурного воспитания сослуживцев, а также возможные сложности межэтнического взаимодействия и способной находить конструктивные пути его разрешения» [1, с. 49], является одной из важнейших задач в системе военного профессионального образования.

Цель данной статьи – обоснование концепции этнокультурного образования в военном вузе. Для этого обозначены следующие задачи: анализ современного состояния теории и практики этнокультурного образования в военном вузе, определение приоритетных задач этнокультурного образования и возможных путей реализации концепции этнокультурного образования в военном вузе.

Материалы и методы

В современных социокультурных реалиях этнокультурное образование является насущной необходимостью и представляет собой неотъемлемую часть единой системы образования. Об этом свидетельствуют следующие документы: «Основы государственной культурной политики» [2], Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» [3], Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4], Федеральные законы «О национально-культурной автономии» [5], «Об образовании» [6], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], Решение Госсовета РФ «О государственной поддержке традиционной народной культуры» [8], «Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации», одобренная приказом Министерства образования и науки РФ [9]. В перечисленных документах отражена заинтересованность государства, наряду с сохранением целостности социокультурного и образовательного пространства России, в культурном развитии этносов, сохранении национального Я. Как видим, образовательная политика Российской Федерации направлена на обеспечение со стороны государства повышения качества образования, в том числе и высшего, гарантий доступности поликультурного образования, эффективную финансово-экономическую и правовую поддержку образования.

Проблема этнокультурного образования – предмет особого внимания в научной литературе при исследовании вопросов, касающихся формирования ценностных ориентаций личности (Д.А. Леонтьев [10], О. Ниженко, Л. Желдоченко, Н. Ломова [11]), в том числе курсантов в процессе их обучения и воспитания в военном вузе (Д.В. Ро-

манов [12], В.Л. Разгонов [13]); изучения социально-психологических основ поликультурного образования (А.Н. Татарко [14], Е.А. Селюкова [15]); анализа современных подходов к образованию (А.А. Гин [16], А. Салаватова [17]); развития межэтнических отношений (В.А. Тишков, В.В. Степанов [18], А.А. Степанова, Е.Е. Симанюк [19], Н. Рамашов, Г.Н. Акбаева [20]); роли образовательного учреждения как одного из социокультурных механизмов реализации этнокультурных задач (В.Н. Гончаров, О.Ю. Колосова, А.А. Волков [21], Ю.К. Нимировская, Н.А. Гончарова, Т.Л. Журавлева, Е.В. Филипенко [22]).

Анализ психолого-педагогической литературы продемонстрировал, что одной из ключевых целей воспитания молодежи является ориентация на гуманистические ценности, которые представлены в этнокультуре. Этнокультурное образование направлено на развитие и социализацию личности как субъекта своего этноса и как гражданина многонационального Российского государства, уважающего этническое разнообразие и культурную самобытность окружающих его людей.

В работе были использованы следующие методы исследования: изучение и анализ научной литературы по обозначенной теме, сравнительный анализ фактов, гипотез, их сопоставление, сравнение, обобщение, выбор наиболее подходящего варианта для решения проблемы данного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Этнокультурное образование является неотъемлемой частью общей стратегии культурного развития, которая исходит из необходимости сбережения этнокультурной идентичности, сохранения и развития национальных культур, стабилизации межэтнических отношений, обеспечения гражданского мира, а также культурной и политической интеграции российского общества. В новых социокультурных условиях возросли требования к профессиональной подготовке в военном вузе: наряду с овладе-

нием курсантами специальными профессионально ориентированными знаниями, необходимо формировать их этнокультурную компетентность, сопряжённую с умением осуществлять межкультурное взаимодействие в условиях поликультурного социума, выстраивать конструктивные взаимоотношения с сослуживцами, зачастую являющимися представителями разных национальностей и конфессий.

Сущностными социально-политическими предпосылками реализации концепции этнокультурного образования в военном вузе являются следующие:

- развитие на принципах равноправия и взаимоуважения межэтнических отношений;
- преобладание общечеловеческих ценностей над классовыми;
- воспитание толерантной личности, социально ответственного гражданина, патриота;
- формирование личности, готовой к жизни и профессиональной активности в рамках многонационального и многоконфессионального социума;
- активизация борьбы с различными проявлениями этнического эгоизма, национализма, шовинизма.

Анализ современного состояния теории и практики этнокультурного образования в военном вузе выявил недостаточную степень разработанности аспектов этнокультурного образования в системе профессиональной подготовки в военном вузе. Профессиональная подготовка зачастую реализуется без должного учёта традиционной этнической культуры как фактора формирования целостной, социально ответственной личности, с высоким уровнем духовно-нравственной культуры. Кроме того, следует отметить следующие моменты, требующие особого внимания при построении образовательного процесса, а именно:

- не в полной мере используются потенциальные возможности этнокультуры как базиса воспитания и социальной адаптации и коррекции современной молодёжи;

- в содержании образовательного процесса традиции этнокультуры отражаются поверхностно, без раскрытия их глубинных духовно-нравственных основ, без связи с национальным менталитетом;

- дискретность и бессистемность этнокультурного образования обусловлена недостаточной степенью разработанности этнокультурного компонента учебных дисциплин гуманитарной и социальной направленности;

- недостаточная взаимосвязь содержания учебных дисциплин гуманитарной и социальной направленности с региональной социокультурной средой военного вуза;

- преобладание репродуктивных методов преподавания, недостаточное владение преподавателями методами и приёмами активизации потенциальных возможностей курсантов при освоении культурного наследия, приёмами, помогающими актуализировать их когнитивную, аффективную и поведенческую сферы психической деятельности;

- недостаточная профессиональная подготовка преподавательского состава к реализации этнокультурного образования в военном вузе;

- отсутствие профессиональной психологической и педагогической диагностики качества этнокультурного образования как фактора формирования и развития личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ современного состояния теории и практики этнокультурного образования в военном вузе показал, что в полной мере педагогический потенциал этнокультуры не реализован в процессе профессиональной подготовки курсантов.

Практическая реализация концепции этнокультурного образования в военном вузе предполагает:

- привитие чувства патриотизма, уважения к истории родной страны и её народу, гордости за Россию;

- сохранение и передачу культурно-исторического наследия народов России; осведомлённость об их прошлом и настоящем;

принятие и уважение их нравственных норм и достижений; последующее развитие традиций взаимодействия культур и народов;

- неприятие всех форм этнической агрессии, враждебности;

- бережное отношение к традиционным верованиям народов, проживающих в России.

Исходя из изложенного выше, определим основные задачи этнокультурного образования в военном вузе:

- воспитание социально ответственной личности, готовой к гармоничному межэтническому общению, способной к этнокультурному и гражданскому самоопределению на основе базовых ценностей российской и мировой культуры;

- формирование этнокультурной идентичности, обеспечивающей адаптацию будущих офицеров к условиям жизни и деятельности в многонациональном и многоконфессиональном социуме;

- научно-методическое сопровождение интеграции этнокультурного регионального компонента в содержание образовательных программ профессионального военного образования на основе федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС);

- переориентация содержания образовательных программ учебных дисциплин гуманитарной и социальной направленности на развитие этнокультурных компетенций, востребованных в современном поликультурном социуме;

- разработка учебно-методического материала по дисциплинам гуманитарной и социальной направленности, выстроенного на этнокультурной основе.

Содержанием образовательного процесса при реализации концепции этнокультурного образования является система духовно-нравственных ценностей, норм, установок, представленных в культурно-историческом наследии прошлого, в основе которого огромный позитивный опыт добрососедства, сотрудничества и дружбы народов, проживающих на территории России.

Следует отметить, что большие возможности реализации концепции этнокультурного образования связаны с усовершенствованной содержательной стороной образования, когда этнокультурная информация усваивается в контексте будущей профессиональной деятельности. Включение в военную профессиональную подготовку этнокультурного компонента предполагает, прежде всего, качественное изменение содержания учебных дисциплин, в основном гуманитарной и социальной направленности, возможно, за счёт интегрирования различных областей знания, что предусматривает создание целостной картины мира у курсантов, формирование у них культуры межэтнического общения; за счёт использования нравственного потенциала учебных дисциплин, трансформации учебного материала в систему проблемно-конфликтных вопросов, изменения традиционного практического занятия на живое творческое обсуждение темы, чтобы научить курсантов конструктивно преодолевать трудности, в том числе связанные с межличностным общением и межкультурным взаимодействием.

Реализация концепции этнокультурного образования обеспечивается применением интерактивных методов и приёмов образовательной деятельности, которые ориентированы на активно-личностный путь освоения этнокультурной информации: при обсуждении в группах, общении и сотрудничестве, в процессе которого происходит формирование толерантного отношения к людям других национальностей. Применение приёмов, таких как: сократовские беседы, стратегии вопросов (например, «Вопросительные слова»), дискуссии, дебаты, пресс-конференции, версиады, способствуют развитию «умений подходить к противоречивым ситуациям, взвешивать различные точки зрения и, главное, проявлять терпимость к иному мнению и существованию оппонентов» [23, с. 161].

Полагаем, что успешное решение этих задач зависит не только от учебно-воспита-

тельной, но и внеаудиторной деятельности научно-педагогических и курсантских коллективов. Эта тенденция предполагает новые подходы к проблемам этнокультурного образования, сопряжённые с необходимостью увеличения культуроёмкости их содержания, технологии и организационных форм. Также необходимо подчеркнуть, что реализация концепции этнокультурного образования в военном вузе зависит от объединения академических знаний с практическими навыками и умениями, а также от формирования способности к саморазвитию и самообразованию, способности к усвоению и передаче общенациональных, общечеловеческих ценностей. Это позволит выпускникам военного вуза конструктивно выстраивать свои взаимоотношения в различных ситуациях межэтнической коммуникации, эффективно адаптироваться в поликультурной среде, быть открытыми для общения с людьми различных культур и конфессий.

Заключение

Реализация концепции этнокультурного образования в военном вузе является неотъемлемой частью общей стратегии культурной концепции, ориентированной на воспитание культуры межэтнического общения, уважительного отношения к культурно-историческому наследию других этносов.

Анализ проблемы этнокультурного образования в военном вузе позволяет сделать следующие выводы.

Реализация концепции этнокультурного образования в военном вузе необходима и возможна в рамках профессиональной подготовки. Однако проведенный анализ современного состояния теории и практики этнокультурного образования в военном вузе позволил выявить недостаточную степень разработанности и реализации аспектов этнокультурного образования в условиях профессиональной подготовки в военном вузе.

Основными задачами этнокультурного образования в военном вузе являются: воспитание социально ответственной личности, готовой к гармоничному межэтниче-

скому общению; формирование этнокультурной идентичности, обеспечивающей адаптацию будущих офицеров к условиям жизнедеятельности в многонациональном и многоконфессиональном социуме; научно-методическое сопровождение интеграции этнокультурного регионального компонента в содержание образовательных программ профессионального военного образования на основе федеральных государственных образовательных стандартов; создание учебно-методического комплекса по дисциплинам социальной и гуманитарной направленности, выстроенного на этнокультурной основе; переориентация содержания образовательных программ учебных дисциплин гуманитарной и социальной направленности на развитие этнокультурных компетенций, востребованных в современном поликультурном социуме.

Содержанием образовательного процесса при реализации концепции этнокультурного образования является система духовно-нравственных ценностей, норм, установок, представленных в культурно-историческом наследии прошлого, в основе которого огромный позитивный опыт добрососедства, сотрудничества и дружбы народов, проживающих на территории России.

Реализация этнокультурного образования в военном вузе предполагает качественное изменение содержания учебных дисциплин, в основном гуманитарной и социальной направленности, за счёт интегрирования различных областей знания, использования нравственного потенциала учебных дисциплин, трансформации учебного материала в систему проблемно-конфликтных вопросов и задач, перехода от традиционного практического занятия к живому творческому обсуждению темы, видению заложенных в ней проблем.

Реализация концепции этнокультурного образования обеспечивается применением интерактивных методов и приёмов образовательной деятельности, которые направлены на активно-личностный путь познания этнокультурной информации.

Реализация предложенной концепции этнокультурного образования в условиях военного вуза зависит как от объединения академических знаний с практическими умениями и навыками, так и от формирова-

ния способности к саморазвитию и самообразованию, способности к усвоению и передаче общенациональных, общечеловеческих ценностей.

Список источников

1. Zakiryanova I.A., Redkina L.I., Serkova K.V. Ethnocultural Component of Professional Training at a Military University / I.A. Zakiryanova, L.I. Redkina, K.V. Serkova, P.V. Krakhotkin // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 2 (43). С. 48-56.
2. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-24122014-n-808/> (дата обращения: 25.12.2024).
3. Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 23.12.2024).
4. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.12.2024).
5. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями) от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 25.12.2024).
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.12.2024).
7. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 25.12.2024).
8. Решение Госсовета РФ «О государственной поддержке традиционной народной культуры». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23986> (дата обращения: 02.01.2025).
9. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации, одобренная приказом Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/> (дата обращения: 23.12.2024).
10. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 1992. 17 с.
11. Nikolenko O., Zheldochenko L., Lomova N. Psychological and pedagogical conditions for the formation of value-semantic sphere of students of technical specialties / E3S Web of Conferences, 2020. No. 175. P. 15029/ [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017515029> INTERAGROMASH 2020 (дата обращения: 02.01.2025).
12. Романов Д.В. Формирование духовно-ценностных ориентаций у курсантов в воспитывающей среде военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Романов Дмитрий Валентинович. Кострома, 2009. 23 с.
13. Разгонов В.Л. Ценностные ориентации профессионального воспитания курсантов в учебно-воспитательном процессе военного вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Разгонов Виталий Леонидович. Омск, 2016. 212 с.

14. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Татарко Александр Николаевич. М., 2015. 42 с.
15. Селюкова Е.А. Поликультурное воспитание как проблема современного образования / Е.А. Селюкова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2336-2340.
16. Гин А.А. Приемы педагогической техники: Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обратная связь. Идеальность: пособие для учителя / А.А. Гин. М.: Вита-Пресс, 2013. 112 с.
17. Salavatova A. Ethnocultural education in universities. January 2019SHS Web of Conferences 69:00097. DOI 10.1051/shsconf/20196900097.
18. Tishkov V., Stepanov V. Interethnic Relations and Ethnocultural Education in Russia. Herald of the Russian Academy of Sciences, 2017. No. 87 (5). P. 416-425. DOI:10.1134/S1019331617050082.
19. Stepanova A.A., Simanyuk E.E. Ethnocultural Training as a Factor in Preventing Ethnic Alienation of the Individual // Education and Science. 2019. Vol. 21 (5). P. 157-180. DOI 10.17853/1994-5639-2019-5-158-181.
20. Ramashov N., Akbayeva G.N. Foreign Students' Professional Training in Kazakhstan Higher Educational Institutions: Ethnocultural Aspect. European Researcher, 2013. Vol. (54). No. 7-1. P. 1876-1883.
21. Goncharov V.N., Kolosova O.Yu., Volkov A.A. Ethnocultural Aspect of Personality Development in the Educational System. Scientific Almanac of the Black Sea Countries. 2020. Vol. 21. No. 1. DOI 10.23947/2414-1143-2020-21-1-3-11.
22. Нирировская Ю.К., Гончарова Н.А., Журавлева Т.Л. Учёт особенностей этнической идентичности в условиях поликультурной образовательной среды в университете МВД России / Ю.К. Нирировская, Н.А. Гончарова, Т.Л. Журавлева, Е.В. Филипенко // Человеческий капитал. 2022. № 10 (166). С. 125-131. DOI: 10.25629/НС.2022.10.13.
23. Закирьянова И.А. Этнокультурная идентичность как психолого-педагогический феномен в системе высшего военного образования / И.А. Закирьянова // Международный научный журнал. 2021. № 2. С. 153-166

References

1. Zakiryanova I.A., Redkina L.I., Serkova K.V. Ethnocultural Component of Professional Training at a Military University. Educational resources and technologies. 2023. No. 2 (43). P. 48-56.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 No. 808 "On approval of the Fundamentals of State Cultural Policy." [Electronic resource]. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-24122014-n-808/> (date of access: 25.12.2024).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated January 25, 2023 No. 35 "On amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014. No. 808". [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (date of access: 25.12.2024).
4. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "National Security Strategies of the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 25.12.2024).
5. Federal Law "On National-Cultural Autonomy" (with amendments and additions) dated 17.06.1996 г. No 74-FL. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/135765/> (In Russian)

6. Federal Law dated 29.12.2012 No. 273-FL "On education in the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 25.12.2024).
7. Federal Law dated 06.10.2003 № 131-FL "On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation" (with amendments and additions dated 11.06.2021). [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (date of access: 25.12.2024).
8. Decision of the State Council of the Russian Federation "On state support of traditional folk culture". [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23986> (date of access: 02.01.2025).
9. The concept of the national educational policy of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/> (date of access: 02.01.2025).
10. Leontyev D.A. Methodology for studying value orientations. M.: Smisl, 1992. 17 p. (In Russian)
11. Nikolenko O., Zheldochenko L., Lomova N. Psychological and pedagogical conditions for the formation of value-semantic sphere of students of technical specialties / E3S Web of Conferences, 2020. No. 175. P. 15029/. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017515029INTERAGROMASH2020> (date of access: 02.01.2025).
12. Romanov D.V. Formation of spiritual and value orientations among cadets in the educational environment of a military university: author's abstract of diss. ... cand. of pedag. sciences. Kostroma, 2009. 23 p.
13. Razgonov V.L. Value orientations of professional education of cadets in the educational process of a military university: diss. ... Cand. of Pedag. sciences. Omsk, 2016. 212 p.
14. Tatarko A.N. Social and psychological capital of the individual in a multicultural society: author's abstract of diss. ... doctor of Psych. sciences. M., 2015. 42 p.
15. Selyukova E.A. Multicultural education as a problem of modern education. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 15. P. 2336-2340.
16. Gin A. A. Techniques of pedagogical techniques: Freedom of choice. Openness. Activity. Feedback. Ideality: a manual for teachers. M.: Vita-Press, 2013. 112 p.
17. Salavatova A. Ethnocultural education in universities. January 2019SHS Web of Conferences 69:00097. DOI 10.1051/shsconf/20196900097.
18. Tishkov V., Stepanov V. Interethnic Relations and Ethnocultural Education in Russia. Herald of the Russian Academy of Sciences, 2017. No. 87 (5). P. 416-425. DOI:10.1134/S1019331617050082.
19. Stepanova A.A., Simanyuk E.E. Ethnocultural Training as a Factor in Preventing Ethnic Alienation of the Individual // Education and Science. 2019. Vol. 21 (5). P. 157-180. DOI 10.17853/1994-5639-2019-5-158-181.
20. Ramashov N., Akbayeva G.N. Foreign Students' Professional Training in Kazakhstan Higher Educational Institutions: Ethnocultural Aspect. European Researcher, 2013. Vol. (54). No. 7-1. P. 1876-1883.
21. Goncharov V.N., Kolosova O.Yu., Volkov A.A. Ethnocultural Aspect of Personality Development in the Educational System. Scientific Almanac of the Black Sea Countries, 2020. Vol. 21. No. 1. DOI 10.23947/2414-1143-2020-21-1-3-11.
22. Nimirovskaya Yu.K., Goncharova N.A., Zhuravleva T.L. Taking into account the characteristics of ethnic identity in a multicultural educational environment at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Human capital. 2022. No. 10 (166). P. 125-131. DOI: 10.25629/HC.2022.10.13.

23. Zakiryanova I. A. Ethnocultural identity as a psychological and pedagogical phenomenon in the system of higher military education. International scientific journal. 2021. No. 2. P. 153-166.

Информация об авторе

Закирьянова Ирина Аксановна, кандидат педагогических наук, доцент, Черноморское высшее военно-морское орденов Нахимова и Красной Звезды училище имени П.С. Нахимова (299028, Севастополь, ул. Павла Дыбенко, 1).

Information about the author

Irina A. Zakiryanova, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, Black Sea Higher Naval School (299028, Sevastopol, ul. Pavel Dybenko, 1).

Статья поступила в редакцию 03.01.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 03.01.2025; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья

УДК 159.943

EDN: <https://elibrary.ru/AORVBD>

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Новиков Николай Сергеевич

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Nikolai.novikov.87@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу саморегуляции как ключевого механизма адаптации личности в условиях стресса, с отсылкой на курсантов военных учебных заведений. Современное общество отличается высоким уровнем стрессогенных факторов, что снижает адаптационные возможности человека. Особое внимание уделено процессу адаптации курсантов, чья подготовка должна обеспечивать устойчивость к экстремальным условиям военной службы. В рамках исследования проведена сравнительная оценка отечественных и зарубежных подходов к изучению саморегуляции, определение их применимости в условиях военного образования. Применение сравнительно-характеристического метода позволило проследить эволюцию концепций саморегуляции – от рефлексивных моделей до системных и субъектно-ориентированных теорий. Исследование показало, что саморегуляция, объединяющая биологические, психологические и социальные аспекты, является ключевым фактором обеспечения профессиональной эффективности курсантов в условиях военного образования.

Ключевые слова: саморегуляция, курсанты, образование, офицеры.

Для цитирования: Новиков Н.С. Основные подходы к изучению саморегуляции в отечественной и зарубежной литературе // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 37-45.

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF SELF-REGULATION IN RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE

Nikolay S. Novikov

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Nikolai.novikov.87@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of self-regulation as a key mechanism of personality adaptation under stress, with reference to cadets of military educational institutions. Modern society is characterized by a high level of stress factors, which reduces human adaptability. Special attention is paid to the process of adaptation of cadets, whose training should ensure resistance to the extreme conditions of military service. The study conducted a comparative assessment of domestic and foreign approaches to the study of self-regulation, determining their applicability to the tasks of military education. The method of comparative characteristics is applied, which allows us to trace the evolution of self-regulation concepts in psychological science – from reflex models to systemic and subject-oriented theories. The study

showed that self-regulation, combining biological, psychological and social aspects, is a key factor in ensuring the professional effectiveness of cadets in military education.

Keywords: self-regulation, cadets, education, officers.

For citation: Novikov N.S. The main approaches to the study of self-regulation in russian and foreign literature // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 37-45.

Введение

Условия современного общества отличаются высоким уровнем стрессогенных воздействий на психоэмоциональное состояние личности, в этой связи вопрос изучения феномена саморегуляции приобретает особую научную и практическую значимость. Совокупность факторов, таких как ускоренный ритм жизни, информационная перегрузка и нестабильность внешней среды, оказывает негативное воздействие на психоэмоциональное состояние человека, что может привести к снижению его адаптационных возможностей и эффективности выполнения профессиональных функций. Курсанты военных учебных заведений, чья будущая профессиональная деятельность предполагает функционирование в экстремальных условиях, связанных с повышенной психологической формацией, относятся к категории, в которой саморегуляция занимает особое место. Специфика обучения в военных учебных заведениях характеризуется организацией образовательного процесса в условиях военной службы при выполнении должностных и функциональных обязанностей, что требует от курсантов высокой устойчивости к различного рода стресс-факторам. Постоянное погружение в такой специфичный учебный процесс дает возможность курсантам не только адаптироваться к негативным воздействием стресса, но и обеспечивает стабильность психоэмоционального состояния, что является основополагающим условием успешной профессиональной подготовки и дальнейшей служебной деятельности.

Современная психологическая наука, как отечественная, так и зарубежная, имеет большой массив теоретических и эмпирических данных, отражающих многообразные подходы к изучению саморегуляции лично-

сти. Разнородность существующих концепций, методик, применяемых для изучения саморегуляции, усложняет разработку единой исследовательской парадигмы, которая может эффективно учитывать особенности курсантов, а также специфику их профессионального становления. Таким образом, центральной проблемой становится поиск возможности синтеза теоретических и практических подходов, направленных на повышение адаптационных возможностей обучающихся в условиях военного образования.

Целью данной работы является проведение всестороннего анализа и сравнительной оценки современных подходов к изучению саморегуляции, разработанных в рамках отечественной и зарубежной психологической науки, с акцентом на их применимость к определению задач адаптации курсантов военных учебных заведений.

Для реализации поставленной цели в качестве базового метода исследования применен метод сравнительных характеристик, который включает системное обсуждение теоретических концепций и методологических подходов, разработанных отечественными и зарубежными исследователями в разные временные периоды. Данный метод позволяет осуществить детальный анализ сходств и отличий между подходами к изучению саморегуляции, включая их концептуальные основы, с использованием понятийных аппаратов и эмпирических подтверждений. Сравнительный анализ позволил выявить эволюционные последствия в контексте феномена саморегуляции, а также определение тех аспектов, которые обладают наибольшей применимостью в условиях военного образования. Кроме того, использование этого метода дает возможность оценить практическую значимость различных теоретических моделей в ходе последова-

тельной адаптации к стрессовым факторам в рамках обучения в военных учебных заведениях.

Основная часть

В настоящее время в современной психологической науке отмечается растущий интерес к вопросу изучения саморегуляции человека в различных условиях социума. Детерминантами такого рода интереса являются процессы, протекающие в социуме и оказывающие непосредственное влияние на его участников. Изучению вопроса саморегуляции имманентно присуще рассмотрение феномена личности, так как саморегуляция осуществляется в рамках развития и существования личности как таковой. Существующий объем накопленных знаний о проблеме саморегуляции в современной психологической науке позволяет осуществить определенного рода анализ имеющихся научных подходов. В рамках данного исследования автором проведен феноменологический анализ научных трактовок термина «саморегуляция» в психологической науке.

Огромный вклад в изучение проблем личности внес отечественный ученый Алексей Николаевич Леонтьев, которого по праву считают одним из основоположников этого направления. Он сформировал определение личности как особого типа психологического образования, обладающего уникальной стойкостью и целостностью. Согласно его концептуальным положениям, личность представляет собой стабильное образование, которое сохраняет свою идентичность независимо от факторов, влияющих на человека в течение жизни. К такого рода факторам относятся: накопленный жизненный опыт, значимые события, возможности изменения социального положения или жизненных условий индивида, а также физические трансформации, связанные с изменениями процессов старения или иными изменениями телесного состояния [1].

А.Н. Леонтьев акцентировал внимание на том, что личность, будучи психологическим конструктом, сохраняет свои ключе-

вые характеристики вне зависимости от внешних и внутренних воздействий. В качестве примера можно привести ситуацию, когда человек переживает кардинальные перемены – например, смену профессиональной деятельности, утрату физических возможностей в результате болезни или травмы и другие важные жизненные испытания, – однако его базовые личностные черты, такие как ценности, убеждения и способы взаимодействия с миром, остаются неизменными. Это свидетельствует о том, что личность, по А.Н. Леонтьеву, сама по себе обладает внутренней динамикой и механизмами саморегуляции, которые обеспечивают ее непрерывность и стабильность. В отличие от ряда других психологических теорий того времени, например, психоанализа З. Фрейда, где личность формируется под воздействием бессознательных процессов и внутренних взаимодействий, концепция А.Н. Леонтьева приводит свою ориентацию на инвариантность личности в отношении изменений окружающей среды и телесного состояния.

Принципиальная позиция А.Н. Леонтьева отражена в его утверждении: «Независимо от накопления человеческого опыта, от событий, которые меняют жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остается и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым» [1, с. 112]. Это положение предполагает, что личность не является пассивным продуктом трансформации, а представляет собой активное, устойчивое образование, способное сохранить свою сущность в условиях качественной трансформации.

Возникновение концептуального интереса к исследованию саморегуляции как самостоятельного феномена в рамках психологии и физиологии связано с именем выдающегося отечественного ученого, академика И.М. Сеченова [2, 3], признанного основоположником этой теории в России. Его фундаментальная идея, сформировавшая отправную точку для будущих исследований,

заклучалась в том, что саморегуляция поведения организма представляет собой сложный процесс, реализующийся посредством приема и обработки сигналов, поступающих из внешней и внутренней среды. Этот процесс, по мнению И.М. Сеченова, основан на рефлекторной природе психики, которая создает последовательную основу жизненных условий. Предложенная им модель заложила основу для понимания саморегуляции как механизма, обеспечивающего адаптивное взаимодействие организма с остальным миром.

На рубеже XIX–XX веков эстафету развития данной проблемы принял академик В.М. Бехтерев, труды которого значительно расширили горизонты понимания саморегуляции в психологические десятилетия [4, 5, 6]. В.М. Бехтерев рассматривал психологическую саморегуляцию как сознательное и целенаправленное воздействие человека на одну сферу физических воздействий, включающую широкий спектр процессов, явлений и свойств психики. В его основе саморегуляция выступает как активный процесс, направленный на поддержание или изменение характера изменения этих элементов в зависимости от характера личности и условий окружающей среды. Такой подход акцентировал роль пассивного контроля, предпочитая человека в качестве активного агента, способного осознанно управлять своей психической динамикой, что стало основанием для перехода от рефлекторных моделей к более сложным концепциям, учитывающим волевые и когнитивные аспекты.

Последователь В.М. Бехтерева М.Я. Басов, развивая идеи своего учителя, внес существенный вклад в теорию психической саморегуляции, уделяя особое внимание воле как центральному элементу этого процесса. В его трактовке «воля – своеобразный психический механизм, посредством которого личность регулирует свои физиологические функции» [7, с. 37]. Подчеркивая оригинальность волевого усилия, М.Я. Басов предложил оригинальную перспективу, показав дуалистичность саморе-

гуляции как феномена, требующего дифференцированного анализа. С одной стороны, саморегулирование следует рассматривать через призму общей установки личности, определяющей ее стратегическую направленность и направленность в жизненных контекстах. С другой стороны, она подразумевает непосредственный процесс регулирования, включающий конкретные аспекты и механизмы организации психической деятельности. Эта дуалистичность, по мнению М.Я. Басова, отражает сложную природу саморегуляции, сочетающую в себе как глобальные, так и операционные аспекты развития личности.

В рамках отечественной психологической науки особый вклад в осмысление феномена психической саморегуляции внесла К.А. Абульханова-Славская, результаты исследования которой обогатили субъектно-ориентированный подход. К.А. Абульханова-Славская обозначала саморегуляцию как «способность индивида к целенаправленной собственной внутренней активности, ее мобилизации и управления, а также к гармонизации этой активности с объективно заданными целями внешней реальностью и деятельностью проявлениями других субъектов» [8, с. 86]. В ее теоретической модели центральное место отводится субъекту деятельности, который выступает регулятором всех параметров его психической активности. Подобный подход предполагает не только автономность личности в управлении распределенными процессами, но и ее способность адаптироваться к соотношению своих действий с окружающей средой и конкретными взаимодействиями.

Развитие исследования саморегуляции продолжил отечественный ученый П.К. Анохин. В своих работах исследователь выделил последствия и системные аспекты этого явления. П.К. Анохин разработал сложную модель отражающего кольца, объясняющую саморегулирующуюся природу человеческого поведения через функционирование так называемых обоснованных систем. Он утверждал, что «функцио-

нальная система обладает возможностями саморегуляции, которая присуща ей как целому» [9, с. 74]. Согласно его концепции, при возникновении дефекта или сбоя в работе системы ее компоненты требуют оперативной перестройки, что приводит к необходимости достижения результата, пусть и с меньшей эффективностью в плане временных затрат. Важным нововведением, внесенным П.К. Анохиным, стало направление движения обратной афферентации – механизма, обеспечивающего обратную связь и позволяющего системе корректировать свои действия в первое время. Этот подход предвосхитил идеи кибернетики, которые впоследствии обогатили влияние саморегуляции, подчеркнув ее системный характер. Таким образом, П.К. Анохин интерпретировал саморегуляцию как интегративную способность функциональной системы управлять поведением посредством обратной афферентации, что обеспечивает ее динамическую природу и адаптивный потенциал [10]. Если К.А. Абульханова-Славская фокусировалась на субъектной активности и осознании управления, то П.К. Анохин переносит акцент на последовательную основу саморегуляции, рассматривая ее как свойство целостности системы, способа самоорганизации. Оба ученых, несмотря на различие в методологических основаниях, взаимно дополняли идеи друг друга. Эти концепции, сформировавшиеся в разные периоды развития науки, остаются актуальными для современных исследований, что составляет теоретическую основу для анализа саморегуляции в условиях растущей сложности социального и профессионального контекстов.

Среди отечественных учёных одним из первых осознал потенциал применения кибернетического концептуального подхода к психологическим исследованиям Б.Г. Ананьев. Он предложил рассматривать работу головного мозга как «сложную организацию контуров регулирования с несколькими цепями звеньев, включающих элементы регулирования, измерительные и исполни-

тельные устройства, механизмы обратной связи, обеспечение постоянства регулируемой величины» [11, с. 83]. Такой подход позволил Б.Г. Ананьеву интерпретировать мозговую деятельность как сложную систему управления, интегрирующую различные типы обратных связей. Именно в этом он увидел сущность саморегуляции, выявив ее системный характер и связь с процессами поддержания стабильности психофизиологических функций.

На основании этой концепции можно предположить, что в мозговой активности человека объединяются все виды обратных связей, существующие биологические управляющие системы, которые и определяют саморегуляцию как фундаментальный механизм адаптации и контроля. Данный взгляд получил дальнейшее развитие в работах современных направлений, среди которых особое место занимают работы А.О. Прохорова. По его мнению, «в жизнедеятельности человека уже на клеточном уровне осуществляется организация принципа саморегуляции» [12, с. 62]. А.О. Прохоров акцентировал внимание на том, что целостность и единство функциональной системы человеческого организма осуществляется за счет химической и нервной саморегуляции процессов, протекающих на всех уровнях его существования.

Саморегуляция, по мнению А.О. Прохорова, проявляется на различных уровнях психической деятельности: от управления человеческими психическими процессами. А.О. Прохоров предполагал, что саморегуляция формируется как свойство личности или черта характера, проявляющаяся в социальном контексте и обусловленная процессами воспитания, или целенаправленным самовоспитанием. Таким образом, саморегуляция предстает как многоуровневый механизм, связывающий биологические и личностные аспекты человеческой активности.

Таким образом, концепции Б.Г. Ананьева и А.О. Прохорова развивали эволюцию представлений о саморегуляции: от ее мощ-

ной кибернетической системы управления мозговой зоной до признания ее интегративного свойства, охватывающего клеточный, связующий и личностный уровни. Эти подходы определяют сложность и многоаспектность саморегуляции, что составляет теоретическую основу для последующих исследований, включающих аспекты как биологических, так и социальных и факторов.

Следующий подход, разработанный в рамках отечественной психологии, базировался на анализе саморегуляции, охватывающем ее проявления на биологическом, личностном и социальном уровнях. Этот подход обеспечил теоретическую основу для последующих исследований и практических разработок, направленных на повышение адаптационных возможностей людей.

Одним из ключевых методологических оснований для изучения саморегуляции является сочетание системного и межсистемного подходов, предложенное Ю.Я. Голиковой и А.И. Костиной. Их концепция создает двойную природу регулятора, объединяющую в себе целостность и хрупкость, что проявляется в «разделении психической активности на три типа: текущую, иницируемую необходимость моментального реагирования на внешние события; ситуативную, связанную с поиском решений в конкретных обстоятельствах; долгосрочную, направленную на сдерживание общей стратегии поведения» [13, с. 21]. Такая классификация отражает тип саморегуляции, который, будучи единым процессом, одновременно демонстрирует вариативность и непостоянство, обусловленное разнообразием задач, стоящих перед субъектом. Этот подход требует необходимости анализа саморегуляции как динамической системы, способа адаптации к изменениям внешней и внутренней среды, что делает его особенно актуальным для исследования адаптационных факторов в стрессогенных условиях.

Огромный вклад в разработку теории саморегуляции внес А.К. Осницкий,

предложивший дифференцировать этот феномен на два уровня: деятельностный и личностный. Он утверждал, что «саморегуляция деятельности обнаруживает себя в феноменологии предметных трансформаций и в трансформациях включенных тенденций, тогда как саморегуляция личностной озабоченности ограничивается детерминациями и коррекцией своих позиций в рамках культурно-исторической традиции, закреплённых в нормах социума» [14, с. 11]. Такой акцент определяет различие между управлением проводимыми действиями и внутренней позицией личности, подчеркивая их взаимосвязь с социокультурным контекстом. Личностная саморегуляция, согласно мнению ученого, предполагает осознанную работу над идентичностью и ценностными ориентирами, тогда как деятельностная составляющая на операционных аспектах выполнения задач, что открывает перспективы для изучения саморегуляции в различных проявлениях средней активности.

Исторически сложилось так, что часть отечественных исследований саморегуляции была посвящена анализу ее происхождения в таких видах деятельности, как: профессиональная, образовательная и спортивная, – что нашло отражение в работах О.А. Конопкина, Н.Д. Заваловой, Б.Ф. Ломова и А.В. Махнача. Эти исследования, направленные на поиск путей оптимизации трудовой эффективности, например, в условиях промышленного производства или экстремальной деятельности, заложили фундамент для практического применения теоретических разработок.

Проблема саморегуляции курсантов военных учебных заведений представляет собой актуальное направление в современной психологии, обусловленное спецификой их профессиональной подготовки, связанной с постоянными психоэмоциональными нагрузками и необходимостью адаптации к экстремальным условиям.

Современные исследования саморегуляции курсантов и военнослужащих, пред-

ставленные в научных публикациях последних лет, занимают особое место в изучении адаптационных принципов личности в условиях военной подготовки, направленной на выполнение служебно-боевых задач в современных условиях военных конфликтов. В рамках этих работ саморегуляция рассматривается как ключевой фактор, обеспечивающий устойчивость, эффективность и психологическое спокойствие в экстремальных и стрессогенных условиях. Рассматриваемые исследования демонстрируют разнообразие подходов – от эмпирических испытаний до теоретического анализа – и включают в себя практическую значимость формирования саморегуляции для курсантов военных учебных заведений.

Одной из ключевых работ является исследование С. Бекесиене, опубликованное в 2023 году, в котором анализируется влияние личностных качеств на академическую и военную фазу курсантов через медиаторскую роль самоэффективности. Автор отмечает: «Самоэффективность, по-видимому, играет решающую роль в опосредовании взаимосвязи между личностными качествами и успеваемостью курсанта» [15, с. 10]. Из этого следует вывод, что формирование саморегуляции напрямую связано с уверенностью в своих силах, что придает ей особую важность в рамках подготовки будущих офицеров.

Исследование авторского коллектива во главе с А. Коном по измерению эффективности рефлексивных методов саморегуляции для курсантов военного колледжа Австралии содержит вывод, что «тренинг саморефлексии способствует эмоциональной регуляции и снижает психологический стресс» [16]. Эти данные подтверждают важность саморегуляции для поддержания психического здоровья в процессе интенсивной подготовки.

О. Йосок с соавторами в своей работе, опубликованной в 2019 году, исследует саморегулирование курсантов Норвежской киберакадемии в условиях киберопераций, что на сегодняшний день очень актуально.

Авторы отмечают: «Высокая саморегуляция коррелирует с когнитивной гибкостью, позволяющей эффективно принимать решения в киберсреде» [17]. Исследование раскрывает роль саморегуляции в обеспечении когнитивной гибкости, необходимой для решения сложных задач в цифровом пространстве.

Наконец, исследование А. Маслюка и Д. Оржешко, в рамках которого авторы анализируют самопринятие курсантов военных учебных заведений как фактор развития саморегуляции. Авторы заключают: «Военное самопринятие усиливает саморегуляцию, способствуя профессиональной устойчивости» [18].

Приведенные работы свидетельствуют о том, что проблема саморегуляции занимает важное место в процессе подготовки военных специалистов армий различных государств, в разных социально-экономических, культурных и других условиях, что в очередной раз доказывает ее актуальность.

Заключение

Проведенное исследование, направленное на всесторонний анализ и сравнительную оценку современных подходов к изучению саморегуляции, выявило многогранность и эволюционную динамику этого феномена в рамках отечественной и зарубежной психологической науки. Установлено, что саморегуляция, являясь интегративным процессом, охватывающим как последствия, так и личностно-субъектные аспекты психической активности общества, выступает ключевым механизмом, обеспечивающим устойчивость и эффективность сохранения жизни в условиях высокого уровня стрессогенных воздействий, характерных для современных реалий. Особая значимость такого рода феномена проявляется в рамках подготовки курсантов, обусловленной спецификой учебного процесса военных учебных заведений.

Саморегуляция предстает как многоуровневая система, объединяющая биологические, психологические и социальные детерминанты, что делает ее изучение перспек-

тивными для разработки комплексных стратегий развития в рамках мировой науки. Вместе с тем сохраняется потребность в современных исследованиях, направленных на интеграцию традиционных и системных моделей саморегуляции, а также на создание универсальных методик ее развития, адаптированных к специфике военной подготовки, которые позволяют оптимизировать процесс формирования профессионально значимых качеств курсантов и помочь им адаптироваться к военной службе в условиях современных вызовов.

Список источников

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
2. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. СПб.: Типография Я. Третья, 1866. 186 с.
3. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. 112 с.
4. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пр.: Колос, 1921. 324 с.
5. Бехтерев В.М. Объективная психология. СПб.: Типография В. Демакова, 1907. 480 с.
6. Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб.: Издание журнала «Вестник знаний», 1902. 236 с.
7. Басов М.Я. Общие основы педологии / М.Я. Басов. М.: Алетейя, 2007. 776 с.
8. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1970. 336 с.
9. Анохин П.К. Очерки по физиологии рассчитаны на системы. М.: Медицина, 1975. С. 74.
10. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 547 с.
11. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. 339 с.
12. Прохоров А.О. Психология лечения. М.: Академия, 2004. 256 с.
13. Голикова Ю.Я. Системный подход к регуляции психической деятельности / Ю.Я. Голикова, А.И. Костина. СПб.: Питер, 2005. 245 с.
14. Осницкий А.К. Психология самостоятельности. М.: Просвещение, 1996. 208 с.
15. Бекесене С. Влияние личности на учебную и военную успеваемость курсантов в рамках опосредующей роли самооффективности // Границы психологии. 2023. Том. 14. Ст. 1266236. 13 л. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1266236.
16. Кон А. Укрепление устойчивости у офицеров-кадетов: групповое рандомизированное контролируемое исследование обучения копингу и регуляции эмоций / А. Кон, М.Ф. Крейн, Д.Ф. Гуччиарди // Журнал консалтинговой и клинической психологии. 2019. Том. 87. № 2. С. 125-136. DOI: 10.1037/ccp0000361.
17. Йосок О. Саморегуляция и когнитивная гибкость в кибероперациях / О. Йосок, Б.Дж. Нокс, К. Хелкала, Р.Г. Луго, С. Сюттерлин, П. Уорд // *Frontiers in Psychology*. 2019. Т. 10. Статья 875. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00875.
18. Маслюк А. Психологические особенности военного самопринятия курсантов военных учреждений / А. Маслюк, Д. Оржешко // Журнал «Психологические перспективы». 2023. № 42. С. 112-125. DOI: 10.29038/2227-1376-2023-42-112-125.

References

1. Leontiev A.N. Activity. Conscience. Personality. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
2. Sechenov I.M. Reflexes of the brain. St. Petersburg: Printing house Ya. Treya, 1866. 186 p.
3. Sechenov I.M. Elements of thought. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev, 1878. 112 p.
4. Bekhterev V.M. Collective reflexology. Pr.: Kolos, 1921. 324 p.

5. Bekhterev V.M. Objective psychology. St. Petersburg: V. Demakov Printing House, 1907. 480 p.
6. Bekhterev V.M. Psyche and life. St. Petersburg: Publication of the journal "Bulletin of Knowledge", 1902. 236 p.
7. Basov M.Ya. General fundamentals of pedology / M.Ya. Basov. M.: Aleteya, 2007. 776 p.
8. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Activity and personality psychology. M.: Nauka, 1970. 336 p.
9. Anokhin P.K. Essays on physiology are designed for systems. M.: Medicine, 1975. p. 74.
10. Anokhin P.K. Biology and neurophysiology of conditioned reflex. M.: Medicine, 1968. 547 p.
11. Ananyev B.G. Man as an object of cognition, Leningrad University Press, 1968, 339 p.
12. Prokhorov A.O. Psychology of treatment. M.: Akademiya Publ., 2004, 256 p.
13. Golikova Yu.Ya. A systematic approach to the regulation of mental activity / Yu.Ya. Golikova, A.I. Kostina. St. Petersburg: Peter, 2005. 245 p.
14. Osnitskiy A.K. Psychology of independence. M.: Prosveshchenie, 1996. 208 p.
15. Bekesene S. The influence of personality on the academic and military performance of cadets in the framework of the mediating role of self-efficacy // *Frontiers of Psychology*. 2023. Tom. 14. Art. 1266236. 13 l. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1266236.
16. Kohn A. Strengthening resilience in cadet officers: a group randomized controlled study of coping and emotion regulation training / A. Kohn, M.F. Crane, D.F. Gucciardi // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2019. Vol. 87. No. 2. P. 125-136. DOI: 10.1037/ccp0000361.
17. Yosok O. Self-regulation and cognitive flexibility in cyber operations / O. Yosok, B.J. Knox, K. Khelkala, R.G. Lugo, S. Sutterlin, P. Ward // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article 875. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00875.
18. Maslyuk A. Psychological features of military self-acceptance of cadets of military institutions / A. Maslyuk, D. Orzheshko // *Journal of Psychological Perspectives*. 2023. No. 42. P. 112-125. DOI: 10.29038/2227-1376-2023-42-112-125.

Информация об авторе

Новиков Николай Сергеевич, кандидат философских наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Nikolay S. Novikov, candidate of philosophical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья

УДК 316.6

EDN: <https://elibrary.ru/BBCQSX>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Помуран Наталья Николаевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
pomnatnik@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются особенности межкультурной компетентности специалистов в области межкультурного взаимодействия, а также их предпочтения в выборе цифровых инструментов для онлайн-общения с носителями языка. В исследовании приняли участие 52 студента второго курса в возрасте от 19 до 21 года, изучающих иностранные языки в профессиональных целях. Межкультурная компетентность оценивалась с помощью методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности», а выбор и частота использования инструментов онлайн-общения с носителями языка изучались посредством опроса. Результаты исследования показали достаточно высокий уровень межкультурной компетентности у респондентов. Выбор цифровых инструментов в целом соответствует современным тенденциям использования цифровых ресурсов для коммуникации. При этом в разрезе групп, выделенных по отдельным параметрам межкультурной компетентности, обнаружены различия в предпочтениях цифровых инструментов. Эти предпочтения согласуются с возможностями проявления конкретных параметров межкультурной компетентности. На основании полученных данных сделан вывод о том, что в процессе формирования межкультурной компетентности важно учитывать особенности ее проявления при использовании новых форм общения в цифровой среде. Это позволяет более эффективно адаптировать образовательные стратегии к современным условиям.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурное взаимодействие, онлайн-общения, офлайн-общение, цифровые инструменты общения.

Для цитирования: Помуран Н.Н. Межкультурная компетентность и новые формы общения в цифровой среде // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 46-53.

INTERCULTURAL COMPETENCE IN THE CONTEXT OF NEW FORMS OF COMMUNICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Natalia N. Pomuran

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
pomnatnik@mail.ru

Abstract. The present article discusses the peculiarities of intercultural competence among intercultural interaction specialists, as well as their preferences in choosing digital tools for online communication with native speakers. The study involved 52 second-year students aged 19-21

who were studying foreign languages for professional purposes. Intercultural competence was assessed using the methodology 'Integrative Questionnaire of Intercultural Competence', and the choice and frequency of using tools for online communication with native speakers were studied with questions. The study revealed a relatively high level of intercultural competence among the respondents, with their choice of digital tools corresponding to current trends in digital resource use for communication. However, differences in preferences for digital tools were observed among the groups identified according to parameters of intercultural competence, with these preferences being consistent with the manifestation of specific parameters of intercultural competence. The findings of this study suggest that in the process of developing intercultural competence, it is crucial to consider the characteristics of its manifestation when using new forms of communication in the digital environment. This approach enables the more effective adaptation of educational strategies to modern conditions.

Keywords: intercultural competence, intercultural interaction, online communication, offline communication, digital communication tools.

For citation: Pomuran N.N. Intercultural competence in the context of new forms of communication in the digital environment // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 46-53.

Введение

Мнение о том, что межкультурная компетентность формируется только в условиях непосредственного общения с представителями других культур, сегодня подвергается пересмотру [1, 2, 3]. Это связано с тем, что в современном мире люди все чаще перемещают свою социальную активность в цифровую среду, где модели и формы межличностного общения и взаимодействия обладают отличными от офлайн-коммуникации особенностями. Поэтому перед ответственными за подготовку специалистов в области межкультурного взаимодействия возникают вопросы, связанные с формированием межкультурной компетентности в условиях цифровой среды.

Настоящее исследование направлено на изучение предпочтений будущих специалистов в области межкультурного взаимодействия в выборе цифровых инструментов онлайн-общения с носителями языка. Оно также рассматривает связь между готовностью будущих специалистов к межкультурному взаимодействию, которая определяется уровнем сформированности параметров межкультурной компетентности, и выбором цифровых инструментов общения. Кроме того, исследуется, происходит ли реконструкция параметров межкультурной

компетентности личности в процессе общения в виртуальной среде.

Мы выдвинули гипотезу о том, что цифровые средства коммуникации дают возможность личности проявлять определенные характеристики межкультурной компетентности, это и обуславливает выбор инструментов онлайн-общения.

Содержание и развитие межкультурной компетентности личности находит широкое отражение в рамках социально-психологического дискурса. В разработанной М. Беннетом модели развития межкультурной коммуникативной компетентности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity, DMIS) кульминацией развития МК соответствует стадия сенситивности к культурным различиям. На этом этапе личность начинает оценивать явления в зависимости от культурного контекста, давая событиям и явлениям так называемую контекстуальную оценку. Другим важным новообразованием является применение этнорелятивизма к собственной идентичности, формирование мультикультурной идентичности или конструктивной маргинальности [4]. Одной из моделей, которая рассматривает МК как многомерное, сложное, интеграционное образование, является идея о МК А.Д. Карнышева. По мысли ученого, меж-

культурная компетентность – это интеграционное, многоаспектное качество личности, определяющее ее готовность к взаимодействию с представителями различных культур [5]. Интеграционный подход к изучению межкультурной компетентности нашел отражение в разработке методики исследования межкультурной компетентности О.Е. Хухлаева с коллегами. Являясь единственным русскоязычным инструментом для оценки межкультурной компетентности, методика была апробирована на репрезентативной выборке, при этом отдельные ее показатели продемонстрировали значимую корреляцию с конкретными достижениями в области межкультурного взаимодействия [6]. Эмпирические исследования межкультурной компетентности, проведенные при помощи методики «интегративный опросник межкультурной компетентности», были направлены на выявление способности шкалы выступать предиктором эффективного межкультурного взаимодействия [7], самооффективности учителя в условиях мультикультурной среды [8].

Учитывая важность исследования межкультурной компетентности, сегодня возникает вопрос о том, как может проявляться готовность личности к взаимодействию с представителями других культур в новых формах общения.

Попытки сравнить офлайн- и онлайн-общение предпринимались неоднократно. В результате сложился достаточно широкий диапазон мнений от констатирующих преимуществ офлайн-коммуникации до возможности его полной компенсации общением в виртуальной среде. Сотрудники Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ попытались систематизировать зарубежные исследования в области новых форматов общения в цифровой среде. В проанализированных статьях, опубликованных с 2010 по 2023 год, авторы охарактеризовали восемь аспектов межличностного общения: 1) социальное присутствие и участие, 2) синхронизация, 3) самораскрытие и раскрытие информации, 4) аф-

филиация и доминирование, 5) аттракция, 6) социальная чувствительность, 7) удовлетворенность взаимодействием и 8) качество отношений. Главный вывод этой работы заключается в том, что онлайн-коммуникация проигрывает по многим из перечисленных параметров непосредственному общению. Прежде всего это касается «социального присутствия и вовлеченности», «синхронизации», «аттракции» и «социальной чувствительности».

При этом авторы статьи считают, что некоторые параметры онлайн-общения не были учтены. Например, в отношении аттракции не были приняты во внимание контекст и цели общения. По параметру социальная чувствительность недостаточно изучены способы управления впечатлением в цифровой среде. Также существуют данные в пользу повышения качества межличностного общения при сочетании двух видов коммуникации. Кроме этого, устойчивость преимуществ офлайн-общения зависит от характера отношений общающихся и цели [9].

К перечисленному можно добавить, что также недостаточно хорошо изучены механизмы компенсации информации о собеседнике в цифровой среде, в условиях фактического отсутствия невербальной информации. Например, Е.П. Белинская отмечает, что сильное влияние на межличностное восприятие оказывают механизмы стереотипизации и идентификации, установка на ожидание желаемых качеств у собеседника [10]. Иными словами, при восприятии другого в цифровой среде недостаток информации достраивается благодаря стереотипным представлениям, то есть происходит репрезентация реального опыта в виртуальном мире.

Материалы и методы

В нашем исследовании приняли участие студенты второго курса Новосибирского государственного технического университета, будущие специалисты в области межкультурной коммуникации. Количество респондентов 52 человека, возраст – 19-21 год.

Для оценки межкультурной компетентности использовался «интегративный опрос-

ник межкультурной компетентности». Опросник включает четыре субшкалы: «межкультурный интерес» (желание устанавливать контакты с представителями других национальностей, интерес к культурным различиям), «межкультурная стабильность» (индивидуальные особенности личности, позволяющие проявлять стрессоустойчивость в межкультурном общении), «отсутствие этноцентризма» (уважение и принятие культурного разнообразия, отсутствие чувства собственного превосходства над представителями других культур) и «управление межкультурным взаимодействием» (коммуникативные навыки и умения, обеспечивающие взаимодействие с представителями других национальностей) [11].

Для определения предпочитаемых студентами цифровых инструментов общения с носителями языка в цифровой среде мы провели опрос. В анкете мы попросили отметить частоту использования следующих форм общения по шкале от 5 до 0 («очень часто» до «никогда», соответственно):

1) переписка с носителями языка онлайн (чаты, мессенджеры, эл. почта, социальные сети, блоги, форумы);

2) устное общение при помощи голосовых инструментов;

3) устное общение при помощи инструментов видеосвязи (Skype, Omegle и др.).

Результаты исследования

Согласно полученным данным, студенты отличаются достаточно высоким уровнем межкультурной компетентности в диапазоне 62-85 баллов (Мах=90). Для общения с носителями языка чаще всего студенты-переводчики используют текстовые средства (4 балла – один раз в неделю), что согласуется с современными тенденциями применения цифровых ресурсов для коммуникации. На втором месте – голосовые инструменты общения (2,8 балла – раз в месяц), а видеосвязь пробовали хотя бы раз (1,2 балла, раз или два). В целом, как видно из результатов, студенты не слишком активно используют цифровые ресурсы для общения с носителями языка.

Далее мы изучили, какие цифровые инструменты общения чаще всего применяются в группах с высокими, средними и низкими показателями, полученными по субшкалам межкультурной компетентности. При этом мы учитывали показатели частотности использования тех или иных инструментов, которые отличаются на 1 балл (таблица 1).

В группе с высоким уровнем показателей по субшкале «Межкультурный интерес» гораздо чаще, чем в группах со средним уровнем развития МС используются инструменты видеосвязи (2,1 раз в год).

Такая форма общения, как видеосвязь, имеет больше общих характеристик с непосредственным общением. Продуцирование речи по видеосвязи требует больших затрат когнитивной и эмоционально-волевой подсистем психики, большего психоэмоционального напряжения. Говорящему необходимо постоянно осуществлять осознанный контроль не только за вербальными средствами, но и за невербальными поведенческими реакциями. Одновременно видеосвязь позволяет участникам общения получать больше сведений о текущей ситуации дискурса, воспринимая визуальные и акустические сигналы от собеседника, что, в свою очередь, помогает замечать и интерпретировать культурные нюансы, связанные с контекстом общения, и, вероятно, способствует проявлению межкультурного интереса.

Коммуниканты, отличающиеся более высокими показателями по шкале «межкультурная стабильность», т.е. чувствующие себя спокойнее и увереннее, предпочитают чаще использовать голосовые сообщения (2,9 – приблизительно раз в месяц), тогда как отличающиеся более низкими показателями по шкале выбирают текстовый формат общения с носителями языка. В реальном общении слушание как вид речевой деятельности является достаточно сложным с точки зрения внутреннего контроля. Однако обмен голосовыми сообщениями в цифровой среде позволяет прослушать сообще-

ние несколько раз, и время на осмысленное восприятие увеличивается, что, вероятно, повышает позитивные ожидания от общения с представителями другой культуры. Респонденты со средними показателями по этой шкале предпочитают текстовые сообщения, поскольку сегодня такой формат коммуникации наиболее распространен и

привычен, он ими воспринимается как более комфортный и удобный и не вызывает стресс. Респонденты с более низкими показателями по шкале могут контролировать темп восприятия информации, сегментацию входного сигнала, выделять больше времени для осмысления культурных особенностей и формулирования ответа.

Таблица 1 – Выбор инструментов общения респондентами в разрезе субшкал

	N	Частотность использования цифровых ресурсов (от 0 до 5)		
		Общение по видеосвязи	Голосовые сообщения	Текстовые сообщения
Шкала «Межкультурный интерес»				
Высокий уровень выраженности показателя по шкале (10-15 баллов)	29	2,1	2,5	3
Средний уровень выраженности показателя по шкале (5-9 баллов)	23	1	1,9	3,1
Шкала «Межкультурная стабильность»				
Высокий уровень выраженности показателя по шкале (13-20 баллов)	18	1,8	2,9	2,8
Средний уровень выраженности показателя по шкале (7-12 баллов)	34	1,3	1,9	3,2
Шкала «Отсутствие этноцентризма»				
Высокий уровень выраженности показателя по шкале (13-25 баллов)	35	1,2	2,2	3,0
Средний уровень выраженности показателя по шкале (8-16 баллов)	17	1,4	1,0	2,8
Шкала «Управление межкультурным взаимодействием»				
Высокий уровень выраженности показателя по шкале (20-30 баллов)	21	1,2	2,8	3,8
Средний уровень выраженности показателя по шкале (10-19 баллов)	31	1,1	2,0	2,7

Студенты с высокими показателями по шкале «Отсутствие этноцентризма» чаще используют голосовые сообщения по сравнению с теми, у кого результаты по этой шкале ниже. Голосовые сообщения способствуют проявлению уважения к партнеру по общению, так как их отправка позволяет реагировать и отправлять ответы достаточно бы-

стро. В то же время общение протекает асинхронно, что исключает необходимость спонтанно реагировать и дает коммуникантам больше возможностей для анализа и обдумывания ответа и при желании собеседники могут подготовить детали устной речи.

Достаточно неожиданным оказался результат по параметру «Управление меж-

культурным взаимодействием». На первый взгляд общение при помощи текстовых сообщений проигрывает общению по видеосвязи по параметру «управление взаимодействием», т. к. отсутствует возможность мгновенно реагировать и вносить корректировки в процесс общения; невозможно также использовать средства сонастройки поведения, просодические и невербальные средства речи и общения. Однако, согласно полученным результатам, студенты, способные успешно управлять межкультурным взаимодействием в зависимости от культурного контекста и ситуации, предпочитают пользоваться именно текстовыми сообщениями. Это можно объяснить тем, что такие способы, как фотография, аватар, совершение каких-либо действий (например, отметка «нравится», отметка о прочтении сообщения, эмоциональная реакция при помощи смайлика, время последнего посещения, статус «в сети» и т. п.), могут помогать управлять межкультурным взаимодействием в цифровой среде. Кроме того, современные технические устройства совершенствуются и расширяют возможности пользователей управлять общением.

Выводы

Проведенное исследование способствует расширению понимания того, как личность может проявлять готовность к межкультурному взаимодействию и общению в цифровой среде. Выбор форм онлайн-общения для изучения иностранного языка студентами согласуется с общей современной тенденцией использования текстовых сообщений как наиболее удобного формата общения. Выраженность определенных параметров межкультурной компетентности связана с использованием тех инструментов общения, которые позволяют их проявить. Следовательно, цифровые технологии позволяют реконструировать реальную личность в цифровой среде.

Мы считаем, что в условиях, когда будущие специалисты в области международного сотрудничества испытывают ограничения в реальном общении с носителями языка, онлайн-коммуникация дает новые возможности развития способности к межкультурному взаимодействию. При этом в процессе формирования межкультурной компетентности у специалистов в области межкультурного взаимодействия необходимо учитывать особенности проявления межкультурной компетентности при использовании инструментов онлайн-общения.

Список источников

1. Hřebáčková M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. *Training, Language and Culture*. 2019. Vol. 3. I. 4. P. 8-17. DOI: 10.29366/2019tlc.3.4.1.
2. Zhang X., Zhou M. Information and digital technology-assisted interventions to improve intercultural competence: A meta-analytical review. *Computers & Education*. 2023. Vol. 194. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104697> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Jiang Q., Soon Sh., Li Y. Enhancing Teachers' Intercultural Competence with Online Technology as Cognitive Tools: A Literature Review. *English Language Teaching*. 2021. Vol. 14. No. 3. DOI: 10.5539/elt.v14n3p1.
4. Bennett M.J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*. 1986. Vol.10. No 2. P. 179-196.
5. Карнышев А.Д. Личность и межкультурная компетентность // *Психология в экономике и управлении*. 2009. № 2. С. 99-106.
6. Хухлаев О.Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // *Социальная*

психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 26-41. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403> (дата обращения: 21.02.2025).

7. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Дагбаева С.Б. и др. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 88-102. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150106> (дата обращения: 21.02.2025).

8. Павлова О.С., Хухлаев О.Е., Бучек А.А. и др. Межкультурная компетентность и самооффективность учителя в мультикультурной среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 45-60.

9. Цигеман Э.С., Марарица Л.В. Сравнение психологических аспектов качества коммуникации в офлайн- и онлайн- коммуникации: обзор исследований // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (15-16 мая 2024 г.). М.: Издательство МГППУ, 2024. С. 679-682.

10. Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации: учеб. пособие. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с.

11. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Макаrchук А.В. и др. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 71-91. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-71-91.

References

1. Hřebáčková M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3. I. 4. P. 8-17. DOI: 10.29366/2019tlc.3.4.1.

2. Zhang X., Zhou M. Information and digital technology-assisted interventions to improve intercultural competence: A meta-analytical review. Computers & Education. 2023. Vol. 194. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104697> (date of access: 21.02.2025).

3. Jiang Q., Soon Sh., Li Y. Enhancing Teachers' Intercultural Competence with Online Technology as Cognitive Tools: A Literature Review. English Language Teaching. 2021. Vol. 14. No. 3. DOI: 10.5539/elt.v14n3p1.

4. Bennett M.J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity. International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. No 2. P. 179-196. [Electronic resource]. URL: [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(86\)90005-2](https://doi.org/10.1016/0147-1767(86)90005-2) (date of access: 21.02.2025).

5. Karnyshev A.D. Personality and intercultural competence. Psychology in Economics and Management, 2009, No. 2, P. 99-106.

6. Khukhlaev O.E. Integrative socio-psychological model for assessment and forecasting the effectiveness of intercultural interaction. Social Psychology and Society, 2020. Vol. 11. No. 4. P. 26-41. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403> (date of access: 21.02.2025).

7. Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Dagbaeva S.B. Intercultural Competence and Effectiveness of Intercultural Communication. Experimental Psychology, 2022. Vol. 15. No. 1. P. 88-102. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150106> (date of access: 21.02.2025).

8. Pavlova O.S., Khukhlaev O.E., Buchek A.A. Intercultural Competence and Self-Efficacy of Teachers in a Multicultural. Environment Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2022. Vol. 19. No. 1. P. 45-60. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-1-45-60.

9. Tsigeman E.S., & Mararitsa L.V. Comparison of psychological aspects of communication quality in offline and online communication: a review of research. *Social Psychology: theory and practice. The digest of articles of an international scientific conference*, 2024. P. 679-682.

10. Belinskaya E.P. *Psychology of Internet-communication: textbook*. М.: MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 192 p.

11. Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Makarchuk A.V. Development and adaptation of the methodology 'Integrative questionnaire of intercultural competence'. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18. № 1. P. 71-91. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-71-91.

Информация об авторе

Помуран Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Natalia N. Pomuran, candidate of sciences psychology, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 81

EDN: <https://elibrary.ru/CITSYP>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МИЛИТАРНЫХ МЕТАФОР С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Глибина Анна Алексеевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Anna.Glibina@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы способы передачи военных метафор. Выявлено, что в языке перевода употребляется общеизвестная военная терминология, узкоспециализированные термины не используются. Переводчики сохраняют образность, используя эквивалентный либо смежный образ. При невозможности сохранения формы и образа переводчик сохраняет последний. В случае широкой лексической сочетаемости слов, подвергшихся метафоризации, переводчики используют калькирование. Если сохранить культурно-специфический образ невозможно, переводчик прибегает к адаптации, заменяя его образом, более понятным для носителей культуры языка перевода. Реже используется объяснительный перевод с опущением метафоры, который оправдан при переводе метафор-клише либо стертых метафор.

Ключевые слова: военная метафора, термин, политический дискурс, образность, прагматика, калька, эквивалент, омоним.

Для цитирования: Глибина А.А. Особенности перевода военных метафор с английского языка на русский // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 54-61.

PHILOLOGICAL SCIENCES

PECULIARITIES OF MILITARY METAPHOR TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Anna A. Glibina

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Anna.Glibina@inbox.ru

Abstract. The article reveals the results of military metaphors translation research. It shows that well-known general-use military terms are used in target language, very field-specific terms are not applied. Translators preserve images, using equivalent or similar image. If it is not possible to preserve the form and image the translator retains the latter. If the word subject to metaphoric transfer has high valence translators use calques. If it is impossible to preserve culture-specific image translators replace it with the image that the target audience is more familiar with. Explanatory translation, when a metaphor is left out, is used quite seldom. This method can be used when metaphoric cliches and dead metaphors are translated.

Keywords: military metaphor, term, political discourse, imagery, pragmatics, calque, equivalent, homonym.

For citation: Glibina A.A. Peculiarities of military metaphor translation from english into russian // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 54-61.

В связи с активизацией политической жизни в США и Великобритании, которая имела место в последние пять лет в связи с парламентскими и президентскими выборами, а также вовлеченностью данных государств в конфликты, протекающие на Ближнем Востоке и в Восточной Европе, растет число военных метафор, употребляемых ведущими англоговорящими политиками. В их основе, как правило, лежат образы конфликта, силы, войны и т.п. В связи с этим актуальность работы видится в исследовании наиболее эффективных способов перевода метафорических конструкций, содержащих военные термины, с английского языка на русский, при использовании которых становится возможным сохранить прагматический потенциал оригинала, что находится в русле современных исследований.

Цель статьи – проанализировать способы перевода на русский язык военных метафор, функционирующих в политическом дискурсе США и Великобритании, позволяющие максимально сохранить прагматику исходного текста. В качестве материала взяты оригиналы скриптов речей современных американских и британских политиков, находящиеся в открытом доступе на новостных порталах Голос Америки, Россия сегодня, Los Angeles Times, Politico, CNN Politics.

Изучение теоретической и эмпирической базы исследования показало, военные метафоры широко распространены в политическом дискурсе, поскольку «политика осмысливается и осуществляется как война, поэтому о ней говорят в «терминах войны» [1, с. 80]. Военные метафоры, созданные на основе военных терминов, помогают политикам выразить агрессию при помощи яркого образа.

Как отмечает Будаев Э.В., военные метафоры являются индикатором кризис-

ной коммуникации и указывают на доминирование агрессивных сценариев разрешения каких-либо проблем в некой экстралингвистической ситуации [2]. Согласно мнению Сизых М.М. и Семёновой В.В., частотность употребления военных метафор растёт, когда общество проживает кризисные ситуации. В такое время восприятие явлений и процессов упрощается, и даже сложные понятия начинают классифицироваться с использованием бинарной оппозиции «свой – чужой» [3, с. 2]. Об этом свидетельствует и работа Таратыновой Т.В., в которой исследовательница подчёркивает, что «антигуманистическая метафора войны стала наиболее распространённым способом восприятия, осмысления и оценки новейших политических реалий» [4, с. 100].

Алямкина А.С. отмечает, что военные метафоры способны не только оказывать негативное эмоциональное воздействие на целевую аудиторию, но и направлены на удержание адресата в этом агрессивном состоянии [5]. Это связано с тем, что агрессивность военных метафор поддерживается ближайшим контекстом, в котором может использоваться лексика с отрицательной коннотацией, а также иные метафоры, усиливающие негативное восприятие описываемого явления или ситуации.

Анализ эмпирического материала показал, что в основе военных метафор, как правило, лежит военная терминология, имеющая омонимы в общеупотребительном языке. В таком случае переводчику часто удаётся сохранить образ, используя его эквивалент.

Яркой иллюстрацией использования одного образа является следующий пример, в котором используется военный термин **to mask**:

*The Iranian government **masks** a corrupt dictatorship behind the false guise of a*

democracy. It has turned a wealthy country with a rich history and culture into an economically depleted rogue state whose chief **exports are violence, bloodshed, and chaos**. The longest-suffering victims of Iran's leaders are, in fact, its own people [6]. – **Под личиной демократии в Тегеране прячется** коррумпированная диктатура. Она превратила богатую страну с многовековой историей и культурой в изгоя с полуразрушенной экономикой, **главной статьёй экспорта** которого является **насилие, кровопролитие и хаос**. А **главной жертвой иранских руководителей** стал народ этой страны [7].

В указанном отрывке содержится две метафоры: **masks a corrupt dictatorship** и **exports are violence, bloodshed, and chaos**.

В первом случае переводчик использует эквивалентный образ, осуществляя преобразование на лексическом уровне (замена существительного на глагол):

Mask – verb 1. to conceal [8, с. 154].

Данный глагол имеет эквивалент в русском языке – маскировать. Этот термин имеет нейтральное значение, в то время как контекст раскрывает отрицательное коннотативное значение данного термина.

В переводе использовано слово **личина**, в отличие от слова **лицо**, обладающее яркой негативной коннотацией. Особенности лексической сочетаемости данного слова обусловили выбор глагола **прячется**.

Более того, в ближайшем контексте использована еще одна метафора на основе экономической и военной терминологии – **to export bloodshed (статья экспорта – кровопролитие)**.

Bloodshed – noun. an action which results in physical injury or death [8, с. 30].

Вследствие иной лексической сочетаемости переводчик не стал использовать кальку данной метафоры. Слово **bloodshed** в русском языке имеет эквиваленты **кровопролитие, кровопролитная бойня, массовые убийства, кровопролитное сражение** (абстрактные имена существительные). Однако слово **to export** (экспортировать) в своем прямом

значении сочетается с конкретными, а не абстрактными именами существительными. Переводчик сохранил образ, осуществив лексико-синтаксические преобразования: трансформацию на лексическом уровне (замена глагола именем существительным) и добавление (глагол **является**).

Как показал предыдущий пример, политики используют общую военную лексику, известную целевой аудитории и зачастую имеющую омонимичные общеупотребительные слова, поэтому при переводе милитарных метафор вполне возможно сохранить задействованный образ либо использовать смежный, например, родовой или видовой.

В процессе анализа отобранных примеров были обнаружены случаи, когда переводчик пытался сохранить образ путем полного калькирования метафорической конструкции, например:

Now it is time for America to **bind the wounds of division**, have to get together. To all Republicans and Democrats and independents across this nation, I say it is time for us to come together as one united people [11]. – **Сейчас пришло время Америке затянуть раны разделения** и собраться воедино. Я обращаюсь к республиканцам, демократам и независимым политикам: настало время объединиться в один единый народ [9].

Данная метафора основана на милитарном термине **wound**:

Wound noun serious injury, usually involving a cut or other penetration of the skin and flesh [8, с. 265].

Этот пример нельзя считать удачным переводом, поскольку нарушены нормы лексической сочетаемости в языке перевода: **раны разделения**. Анализ частотности показал, что данное выражение встречается в результатах поиска с использованием поисковой системы Google 1570 раз, Яндекс – 722 раза. Это говорит о крайне низкой частотности употребления данного свободно-слово сочетания.

В русском языке существует фразеологическое сочетание **зализывать раны**. Кроме

того, для передачи значения слова **division**, которое имеет эквиваленты *деление, разделение, расхождение, разногласия, часть, отдел, граница и т.д.* [10, с. 333], возможно использовать образ, обозначающий насильственное разделение, например, причастие **раздиравший**, имеющее ярко выраженную отрицательную коннотацию, соответствующую прагматике текста.

В противоположность данному примеру, можно рассмотреть следующий отрывок, в котором переводчик также использовал калькирование. Но при этом были сохранены и форма, и содержание метафоры:

*Oppressive regimes cannot endure forever, and the day will come when the Iranian people will face a choice. Will they continue down the **path of poverty, bloodshed, and terror**? Or will the Iranian people return to the nation's proud roots as a center of civilization, culture, and wealth where their people can be happy and prosperous once again?* [6]. – *Репрессивные режимы не могут жить вечно, и придет день, когда народ встанет перед выбором. Что выберет иранский народ: идти дальше **тропой бедности, кровопролития и террора** или вернуть стране былую славу центра цивилизации, культуры и благосостояния, где люди снова смогут жить счастливо, в богатстве и достатке?* [7].

Как уже было указано, слово **bloodshed** является военным термином, так же, как и **path**:

Path – *noun* **1.** a small track, which has been made artificially, or simply by people walking along it over a long period; **2.** a line along which something travels [8, с. 179].

Тем не менее метафоры, имеющие структуру **Noun of Noun**, как правило, не представляют особых затруднений при переводе, например:

*Politics is a **battle of ideas**; in the course of a healthy debate, we'll prioritize different goals, and the different means of reaching them. But without some common **baseline of facts**; without a willingness to admit new information, and concede that your opponent is making a fair point, and that science and*

reason matter, we'll keep talking past each other, making common ground and compromise impossible" [12]. – *Смотрите, политика – это **бумба идей**. Так формируется наша демократия. В случае здоровых дебатов мы стремимся к достижению разных целей и применяем для этого разные способы. Но без некоторой общей **базы фактов**, без желания принимать новую информацию и готовности признать, что ваш оппонент может быть прав, а наука и логика имеют значение, мы так и будем говорить каждый о своем* [7].

Обе метафоры построены по одной модели. Однако если в первом случае переводчик сделал перевод-кальку, используя милитарный термин, то во втором случае термин-основа метафоры подвергся генерализации:

Baseline *noun* an offensive manoeuvre carried out under fire, in which men or vehicles move forward into extended line in order to engage the enemy [8, с. 24].

Таким образом, данный термин (его эквивалент в качестве военного термина не был найден в русскоязычных лексикографических источниках) означает не просто базу, отправную линию, исходную отметку, исходное состояние, а информацию, которую автор предполагает использовать для преодоления врага путем проведения тайных операций с этой информацией.

Аналогичная структура метафоры использована и в следующем примере:

*We need to defeat the **enemies of humanity** and unlock the potential of life itself*" [6]. – *Нам необходимо разгромить **врагов человечества** и раскрыть потенциал самой жизни* [7].

В данном примере использован милитарный термин **enemy**:

Enemy *noun* **1.** a national of a state which is at war with your own country **2.** a state which is at war with your own country **3. the enemy** – enemy forces [8, с. 24].

В рассмотренном примере переводчик использовал кальку, которая позволила сохранить как форму, так и образ.

В следующем примере переводчик при подборе эквивалента метафорическому эпитету **hard-fought** снял образность, используя слово **конкурентная**.

*I've just received a call from Secretary Clinton. She congratulated us. It's about us. On our victory, and I congratulated her and her family on a very, very **hard-fought campaign** [11]. – Я только что получил звонок от госсекретаря Клинтон: она поздравила нас (ведь это о нас) с нашей победой. И я поздравил ее и ее семью с участием в очень и очень **конкурентной кампании** [9].*

Усиление значения достигается путем повторения наречия **очень**, однако слово **very** повторяется дважды и в оригинале. Таким образом, переводчик снизил образность оригинала, используя неметафорический перевод.

Следующий отрывок содержит стертую и авторскую метафоры, что облегчает перевод первой и затрудняет поиск эквивалента для второй:

*We also thank we also thank the Secretary General for recognizing that the United Nations must reform if it is to be an effective partner in **confronting threats** to sovereignty, security, and prosperity. Too often the focus of this organization has not been on results, but on bureaucracy and process. In some cases, states that seek to subvert this institution's noble aims have **hijacked** the very systems that are supposed to advance them. For example, it is a massive source of embarrassment to the United Nations that some governments with egregious human rights records sit on the U.N. Human Rights Council” [6]. – Мы благодарим Генерального секретаря за признание того, что Организация Объединенных Наций должна реформироваться, если она хочет стать эффективным партнером **в ликвидации угроз** суверенитету, безопасности и процветанию. Слишком часто эта организация в своей работе нацелена не на результат, а на бюрократический процесс. В некоторых случаях государства, стремящиеся подорвать благородные цели ООН,*

***захватывают** те самые системы, которые должны отстаивать данные цели [7].*

Метафора **confront threats** переведена как **ликвидация угроз**.

При этом глагол **confront** имеет следующее значение:

Confront verb 1. to take a hostile attitude towards someone or something. 2. to deal with a problem or difficulty [8, с. 56].

Следовательно, в семантике данного глагола не содержится значение «с успешным исходом». В русском языке данный глагол имеет следующие эквиваленты: стоять лицом к лицу, стоять против, противостоять, смотреть в лицо (смерти, опасности), столкнуться с чем-либо (with) [10, с. 234].

Таким образом, стертой метафоре, потерявшей свою образность, переводчик предпочел метонимию. Кроме того, был задействован прием логического развития: угрозы, с которыми сталкивается государство, необходимо ликвидировать, то есть бороться успешно.

Особое внимание следует обратить на перевод авторской метафоры **hijack the very systems**. Глагол **to hijack**, послуживший основой для метафоры, относится к военной терминологии и имеет следующее значение:

Hijack verb to seize control of an aircraft or vehicle [8, с. 118].

Перевод метафоры **to hijack the very systems** как **захватывают те самые системы** можно рассматривать как использование схожего образа. Образ оригинала и образ перевода состоят в родовидовых отношениях (глагол **to hijack** обладает более узкой семантикой, так как включает в себя сему «угонять самолет либо автомобиль»). Таким образом, переводчик генерализировал значение исходного слова, подвергнувшись метафорическому переносу.

Следующий отрывок содержит целый комплекс метафорических образов:

*No **country** should be held **hostage** to a single provider of energy. America is roaring back and now is the time to invest in the future of America [6]. – Ни одна **страна** не должна*

быть **заложником** одного поставщика энергии. Америка наверстывает упущенное – и теперь пришло время инвестировать в будущее Америки [7].

Метафора **country is a hostage** основана на военном термине:

Hostage *noun* a person who is seized and held, in order to force other people to do something (e.g. paying a sum of money) or to deter them from doing something (e.g. attacking soldiers) [8, с. 120].

В данном случае переводчик полностью сохранил и форму, и содержание авторской метафоры, поскольку метафора, имеющая структуру **Noun is Noun**, не вызывает особых сложностей при переводе.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что с целью сохранения образности при осуществлении перевода максимально задействуется общая военная терминология, известная широкому кругу людей. Использование узкоспециализированных терминов для сохранения метафор не является оправданным, так как они зачастую не известны аудитории, на которую ориентирована речь политика, поэтому метафоры останутся невоспринятыми целевой аудиторией и не окажут никакого воздействия.

Обнаружено, что переводчики стараются сохранить образность в языке перевода, ис-

пользуя тот же либо смежный образ. Когда слова, подвергающиеся метафоризации, обладают широкой лексической сочетаемостью, переводчики калькируют конструкцию метафоры, сохраняя благодаря этому как форму, так и содержание метафоры. Рассмотренные примеры показали, что имеет место тенденция сохранения содержания (образа) в ущерб форме, если невозможно сохранить сразу обе составляющие.

При невозможности сохранения культурного специфического образа переводчик либо адаптирует его, заменяя более понятным для носителей языка переводом, либо использует объяснительный неметафорический перевод, упуская образ. Последний случай является оправданным, когда политик в своей речи употребляет метафоры-клише либо стертые метафоры. Однако данный способ не является предпочтительным, когда происходит перевод стандартных либо авторских метафор, целью которых является именно создание образности и усиление влияния на получателей сообщения. В данном случае метафоры выполняют прагматическую функцию, поэтому можно считать целесообразным по мере возможности использовать иные приемы, помогающие сохранить образность текста-оригинала.

Список источников

1. Крышталева В.Е. Военные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 2. С. 77-90. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90.
2. Будаев Э.В. Военные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 12-20.
3. Сизых М.М., Семенова В.В. Военная метафора в русской фармацевтической рекламе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 7 (55). С. 1-5. DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.55.16>.
4. Таратынова Т.В. Военная метафора в представлении избирательной кампании США-2008 (по материалам немецких СМИ) // Политическая лингвистика. № 2 (25). 2008. С. 99-103.
5. Алямкина А.С. Когнитивное исследование военной метафоры в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 178-182.
6. Politico. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879> (дата обращения: 09.02.2025).

7. Россия сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170920/240335250.html> (дата обращения: 15.02.2025).
8. Bowyer R. Dictionary of Military and Associated Terms. A&C Black. London. 3d Edition. 2007. 289 p.
9. Голос Америки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forumdaily.com/polnyj-tekst-pobednoj-rechi-donald-trampa> (дата обращения: 13.02.2023).
10. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 1536 с.
11. CNN Politics. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2015/12/06/politics/transcript-obama-san-bernardino-isis-address/index.html> (дата обращения: 17.01.2025).
12. Los Angeles Times. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latimes.com/politics/la-pol-obama-farewell-speech-transcript-20170110-story.html> (дата обращения: 08.01.2025).

References

1. Kryshchaleva V.E. Military metaphors in the discourse of Presidents of Russia and France in the beginning of 21st century // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication. 2019. Vol. 17. No 2. P. 77-90. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90.
2. Budaev E.V. War Metaphors as a Means of Conceptualization of Belarusian Militia in the Russian Media // Political Linguistics. 2022. No. 4 (94). P. 12-20.
3. Sizikh M.M., Semenova V.V. Militaristic metaphor in Russian pharmaceutical advertising // Russian Linguistic Bulletin. 2024. No 7 (55). P. 1-5. DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.55.16>.
4. Taratynova T.V. Military metaphor in representation of the election campaign in the USA in 2008 (based on German media materials) // Political Linguistics. 2008. No. 2 (25). P. 99-103.
5. Alyamkina A.S. Military metaphor cognitive study in Russian and English-language economic discourse // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2013. No. 1. P. 178-182.
6. Politico. URL: <https://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879> (accessed: 09.02.2025).
7. Russia Today. [Electronic resource]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170920/240335250.html> (date of access: 15.02.2025).
8. Bowyer R. Dictionary of Military and Associated Terms. A&C Black. London. 3d Edition. 2007. 289 p.
9. Голос Америки. [Electronic resource]. URL: <http://www.forumdaily.com/polnyj-tekst-pobednoj-rechi-donald-trampa> (date of access: 13.02.2023).
10. Muller V.K. Big English-Russian dictionary. Yekaterinburg: U-Faktoria, 2006. 1536 p.
11. CNN Politics. [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2015/12/06/politics/transcript-obama-san-bernardino-isis-address/index.html> (date of access: 17.01.2025).
12. Los Angeles Times. [Electronic resource]. URL: <http://www.latimes.com/politics/la-pol-obama-farewell-speech-transcript-20170110-story.html> (date of access: 08.01.2025).

Информация об авторе

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Anna A. Glibina, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья

УДК 81

EDN: <https://elibrary.ru/EQPSUO>

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ ПРИ ПРЕЗЕНТАЦИИ КОНФЛИКТОВ В КИТАЙСКИХ СМИ

Исакова Елизавета Сергеевна¹

Глибина Анна Алексеевна²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹Trofimova.Elizavetta@yandex.ru, ²Anna.Glibina@inbox.ru

Аннотация. Китайские СМИ широко используют категорию оценочности для привлечения внимания целевой аудитории и трансляции политических смыслов. Риторика китайских СМИ стала достаточно жёсткой, что проявляется через широкое использование эмоционально-оценочной лексики. Дисфемизмы и пейоративы помогают создать негативный образ США, в то время как лексические единицы с положительной коннотацией способствуют поддержанию образа Китая как государства-посредника и миротворца.

Ключевые слова: оценочность, категория, медийный дискурс, конфликтоген, дисфемизм, пейоратив.

Для цитирования: Исакова Е.С., Глибина А.А. Реализация категории оценочности при презентации конфликтов в китайских СМИ // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 62-66.

EVALUATIVITY ACTUALIZATION AT PRESENTATION OF CONFLICTS IN THE CHINESE MEDIA

Elizaveta S. Isakova¹, Anna A. Glibina²

¹Peoples' friendship university of Russia

²Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹Trofimova.Elizavetta@yandex.ru, ²Anna.Glibina@inbox.ru

Abstract. The article reveals that Chinese media use evaluativity to attract the attention of their target audience, as well as to shape political views of their audience. The language of the Chinese media has become quite tough, and this is proved by the presence of numerous emotional-value lexical units in their articles. Dysphemisms and pejoratives help to create a negative image of the USA, while words with positive connotation contribute to sustaining positive image of China, which is portrayed as a peacekeeper and intermediary.

Keywords: evaluativity, category, media discourse, conflictogene, dysphemism, pejorative.

For citation: Isakova E.S., Glibina A.A. Evaluativity actualization at presentation of conflicts in the chinese media // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 62-66.

Для привлечения внимания аудитории и её убеждения СМИ используют разнообразные манипулятивные приемы, которые направлены на то, чтобы, с одной стороны, сделать материал заметным на фоне огромного информационного потока, а с другой стороны, сформировать определённое отношение к какому-либо конфликту. Для реализации манипулятивной стратегии широко используются оценочные суждения.

В медийном дискурсе оценочные суждения способны формировать не только отношение к какому-либо конфликту внутри страны, но и оказывать косвенное воздействие на внешнеполитические отношения, поэтому важно рассмотреть, при помощи каких средств категория оценочности реализуется в СМИ для оказания манипулятивного воздействия на клиентов данного дискурса.

Объектом статьи является категория оценочности в медийном дискурсе Китая, **предметом** – средства реализации категории оценочности в статьях китайских СМИ, посвящённых военно-политическим конфликтам.

Исходя из этого, **цель** работы состоит в изучении языковых средств выражения категории оценочности в текстах статей китайских СМИ, освещающих военно-политические конфликты. **Материалом** исследования послужили статьи, размещённые в открытом доступе на сайте газеты 人民日报 (Жэньминь жибао – «Народная ежедневная газета»).

Оценка является социально и культурно обусловленным феноменом. Как отмечает Кузьмина Н.В., оценка даётся на основе какого-либо стереотипного представления субъекта оценки о явлении или ситуации, которые приняты или существуют в данном социуме [1]. В рамках ценностной картины мира социальной общности, в которой живёт человек, у него формируется своя собственная ценностная шкала, используемая им при интерпретации событий и явлений.

Термины *оценка* и *оценочность* часто встречаются в лингвистической литературе,

однако они не всегда чётко разграничиваются. Тем не менее достаточно чётко *оценка* и *оценочность* разделены у Яхиной А.М., которая под оценочностью понимает языковую реализацию логической категории оценки. То есть оценка, объективированная языком и выраженная языковыми средствами, преобразуется в оценочность [2]. Поэтому в настоящей статье оценочность будет пониматься как множество языковых единиц, которые объединены оценочной семантикой и выражают положительное или отрицательное отношение субъекта оценки [3]. А так как оценочность может быть выражена и элементами, меньшими, чем слово, и несколькими словами и высказываниями [4], то это значит, что оценочность присутствует в языке на различных уровнях: фонетическом, морфологическом, фразеологическом, словообразовательном и синтаксическом. Лингвистические элементы этих уровней, обладающие оценочным значением, образуют определённую систему с обширным семантическим и прагматическим содержанием. Исходя из этого, можно выделить два типа оценочности: имплицитную, которая входит в семантику слова, и эксплицитную, присутствующую не определённому слову, а случаям его употребления в контексте.

В настоящей статье оценочность наряду с эмотивностью будут рассматриваться как компоненты коннотации, которые при их совместном использовании имеют синергетический эффект, оказывая сильное прагматическое воздействие. Как отмечают Вестфальская А.В. и Яхина А.М., оценка неразрывно связана с коннотацией, поскольку составляет её основу [2, 5].

Например, в следующем фрагменте использован ряд слов с оценочным и эмотивным значениями, которые помогают комплексно воздействовать на разум и чувства целевой аудитории, помогая сформировать отрицательное отношение к действиям США:

“在伊拉克看来美军无异于“侵略军”。近期，美军更是不断地侵犯伊拉克的主权。因

对这场冲突负主要责任。[6] – США игнорируют «красную черту» России и рассматривают Украину как западную крепость на границе с Россией. Запад, особенно США, несут главную ответственность за этот конфликт (пер. Исаковой Е.С.)

Однако интенсификаторы в основном употребляются в текстах не единично, а целыми группами, что усиливает прагматическое воздействие текста:

常言说，你可以永远欺骗一部分人或者暂时欺骗所有人，但你无法永远欺骗所有人。

[6] – Пословица гласит, вы можете обманывать некоторых людей вечно или временно обманывать всех, но нельзя дурачить всех всегда (пер. Исаковой Е.С.)

Особенно ярко оценочность проявляется в широком использовании имён прилагательных (в китайском языке было выявлено двадцать шесть оценочных прилагательных, таких как 敏锐 mǐnguì пронизательный, 重要 zhòngyào важный, 关键 guānjiàn ключевой, 紧张 jǐnzhāng напряжённый и др.). Например, в следующем отрывке положительный образ Китая как страны-миротворца формируется за счёт слов 好朋友 хороший друг, 朋友 друг, 和平 мир и др.:

“作为地区人民的好朋友和安理会常任理事国，中国一贯积极维护并促进地区和平稳定，这是对朋友的应有之义，也是大国的责任担当。” [6] – Будучи хорошим другом народов региона (Ближнего Востока) и постоянным членом Совета Безопасности, Китай всегда активно поддерживал и продвигал региональный мир и стабильность. Это должное уважение к друзьям, и это также ответственность великой страны (пер. Исаковой Е.С.).

Таким образом, рассмотренные примеры демонстрируют достаточно жёсткую риторику китайских СМИ. При помощи оценочности СМИ Китая негативно оценивают действия США в области внешней политики, направленной на поддержание и эскалацию конфликтов между другими странами. На данном этапе для китайских СМИ характерно широкое использование конфликтогенов для формирования негативного образа стороны, разжигающей конфликт. В частности, это является отражением геополитического напряжения отношений между Китаем и США. Комбинируя оценочную, экспрессивную и эмотивную лексику в рамках одного контекста, китайские СМИ усиливают прагматическое воздействие, оказываемое на целевую аудиторию, создавая образ Китая как государства-миротворца.

Список источников

1. Кузьмина Н.В. Категория оценки в русском языке // Язык и культура. 2015. С. 40-43.
2. Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 24 с.
3. Баженова Е.А., Сиполс О.В. Категория оценки / Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2003. 696 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 3. С. 3-11.
6. 人民日报. [Электронный ресурс]. URL: <http://paper.people.com.cn/rmrb/pc/layout/index.html> (дата обращения: 01.02.-30.12.2020).
7. Толковый словарь китайского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 01.10.2020)
8. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 284 с.

References

1. Kuzmina N.V. Category of assessment in Russian language // Language and Culture. 2015. P. 40-43.
2. Yakhina A.M. Evaluativity as a part of phraseological unit meaning in Russian, English and Tatar languages: based on the material of verbal phraseological units meaning person's behavior: dissertation abstract. Kazan, 2008. 24 p.
3. Bazhenova E.A., Sipols O.V. Evaluativity category / Encyclopaedic dictionary on Russian language stylistics. M.: Flinta, 2003. 696 p.
4. Volf E.M. Evaluativity functional semantics. M.: Editorial URSS, 2002. 280 p.
5. Vestfalskaya A.V. Evaluation and connotation: modern approaches // Language and text. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 3-11.
6. 人民日报. [Electronic resource]. URL: <http://paper.people.com.cn/rmrb/pc/layout/index.html> (date of access: 01.02.-30.12.2020).
7. Explanatory dictionary of the Chinese language. [Electronic resource]. URL: <https://www.zdic.net> (date of access: 01.10. 2020).
8. Arnold I.V. Stylistics. Modern English language. M.: Flinta: Nauka, 2002. – 284 p.

Информация об авторах

Исакова Елизавета Сергеевна, Российский университет дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6).

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Elizaveta S. Isakova, Peoples' friendship university of Russia (117198, Moscow, ul. Miklukho-Maklaya Str, 6).

Anna A. Glibina, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 23.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья

УДК 372.881.111.1

EDN: <https://elibrary.ru/DVOFZD>

РОЛЬ ОШИБОК СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Шпак Наталья Олеговна

Сибирский государственный университет водного транспорта, Новосибирск, Россия
natspark@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема неготовности студентов неязыковых вузов работать со своими ошибками и воспринимать их как ценный материал для своего развития. Целью исследования является определение роли ошибок и выявление основного психолого-педагогического условия для эффективной работы над ошибками при обучении студентов иностранному языку. Основываясь на деятельностном, компетентностном и коммуникативном подходах, автор считает, что создание на уроке благоприятной атмосферы является основным психолого-педагогическим условием. Исследование показало, что для формирования у студентов конструктивного восприятия и отношения к ошибкам преподавателю необходимо создавать рабочую атмосферу и поощрять студентов думать и разбираться в учебном материале. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания иностранного языка в средних и высших профессиональных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: коммуникативный подход, исправление ошибок, благоприятная рабочая атмосфера, конструктивные отношения.

Для цитирования: Шпак Н.О. Роль ошибок студентов в процессе обучения иностранному языку // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 67-73.

THE ROLE OF STUDENTS' ERRORS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Natalya O. Shpak

Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russia
natspark@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the unwillingness of students of non-linguistic universities to work with their errors and perceive them as valuable material for their development. The purpose of the study is to determine the role of errors and identify a key psychological and pedagogical condition for effective error correction in teaching students a foreign language. Based on activity-based, competence-based and communicative approaches, the author believes that creating a favorable atmosphere in the classroom is the main psychological and pedagogical condition. The study showed that in order to form students' constructive perception and attitude to errors, the teacher needs to create a working atmosphere and encourage students to think and understand the educational material. The results of the research can be applied in the practice of teaching a foreign language in secondary and higher professional educational institutions.

Keywords: communicative approach, error correction, favorable working atmosphere, constructive relations.

For citation: Shpak N.O. The role of students' errors in teaching a foreign language // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 67-73.

Введение

В современном мире молодому поколению необходим навык конструктивного отношения к исправлению своих ошибок. Молодые люди должны быть готовы учиться на своих ошибках и понимать, что процесс научения чему-то новому всегда сопровождается совершением ошибок и работой над ними.

Преподаватель и студенты должны относиться к ошибке как к точке роста в процессе обучения. При изучении иностранного языка ошибки неизбежны, но они приносят пользу, поскольку позволяют обучающимся экспериментировать с языком и оценивать свои достижения для дальнейшей коммуникации [1, 2].

Возникает потребность установить баланс между исправлением ошибок студентов и поощрением их говорить на иностранном языке. Преподаватель, с одной стороны, должен формировать у учащихся навык владения правильной формой иностранного языка. С другой стороны, он должен предоставлять учащимся свободу для речевого высказывания, обмена и извлечения информации, поощрять их желание говорить на иностранном языке и не прерывать исправлением ошибок. Для установления такого баланса необходимо создавать определенные психолого-педагогические условия.

Целью исследования является определение роли ошибок и выявление ключевого психолого-педагогического условия для эффективной работы над ошибками при обучении студентов иностранному языку. Для реализации цели были поставлены следующие задачи:

1) изучить проблематику исследования и определить современный подход к работе с ошибками;

2) выявить причины появления ошибок в речи студентов;

3) определить основное психолого-педагогическое условие для эффективной работы с ошибками.

Материалы и методы

Изучением феномена ошибки в обучении иностранному языку занимались многие отечественные и зарубежные ученые: Л.В. Щерба, З.М. Цветкова, Е.М. Верещагин, Р.П. Мильруд, Н.Н. Кондакова, И.А. Зимняя, Е.И. Пассов, Г.А. Китайгородская, А.Л. Кларин, А.А. Миролубов, R. Lado, R. Killeppin, S. Krashen, H. Raabe, K. Lochman и другие.

Начиная с 50-х годов XX века проблема исправления ошибок в процессе преподавания иностранного языка решалась по-разному. В соответствии с теорией бихевиоризма и внедрением аудиолингвального метода преподавания ошибка считалась признаком недостаточности знаний и носила негативный оттенок. В процессе речевого высказывания учащиеся старались не допускать ошибки и избегали употреблять непонятные и сложные речевые конструкции. Преподаватели должны были заранее предупреждать и прорабатывать ошибки в упражнениях, а при обнаружении сразу их исправлять.

В 70-х годах с появлением естественного подхода исправление ошибок считалось неправильным и мешало мотивации учащихся. Исправлять ошибки в коммуникативных упражнениях, по мнению Стивена Крашена [3], было неуместным и даже вредным. Американский лингвист считал, что исправления приводят к снижению самооценки студентов, отрицательно влияют на их мотивацию и усиливают страх говорения. Во время коммуникации он признавал допустимыми только те исправления, которые способствовали усвоению и запоминанию несложных правил.

Появившийся в 80-х годах коммуникативный подход по настоящий день является

основным в обучении иностранному языку. Он ориентирован на развитие разговорных навыков с применением необходимых языковых форм. При таком подходе исправлению ошибок уделяется меньшее значение. Однако, в рамках коммуникативного метода, современные методисты стараются установить баланс между содержанием и формой иноязычного высказывания, пытаются найти эффективные способы работы над стимулированием процесса говорения и правильностью речи.

Для эффективной деятельности по исправлению ошибок на занятиях по иностранному языку преподавателю необходимо также осуществлять деятельностный и компетентностный подходы.

Деятельностный подход в процессе обучения иностранному языку ориентирован на решение студентами учебных коммуникативных задач. Для данного подхода учебная деятельность является основным средством и главным условием развития личности. Реализуя деятельностный подход, преподаватель вовлекает студентов в познавательную деятельность, ставит перед ними учебные задачи и создает условия для их решения.

Компетентностный подход определяет практикоориентированность педагогического процесса и развивает у студентов способность к самостоятельному принятию решений на основе полученного жизненного и профессионального опыта [4]. Компетентностный подход способствует формированию у выпускников вуза необходимых умений и навыков для решения профессиональных задач, выходящих за пределы учебных ситуаций [5]. На основе компетентностного подхода разработаны педагогические процессы, направленные на усиление практической ориентации образования и акцентирующие операциональную, навыковую сторону образовательного результата [6].

Результаты и обсуждение

В соответствии с коммуникативным подходом в преподавании иностранных языков ошибки студентов можно разделить на две основные группы: препятствующие и не

препятствующие коммуникации. Необходимо отметить тот факт, что грамматические ошибки меньше мешают коммуникации, чем лексические. Неправильное употребление слов препятствует коммуникации, а небольшие грамматические ошибки и неточности не искажают понимание собеседника во время общения [7].

При таком подходе необходимо исправлять коммуникативно-значимые ошибки, которые неточно передают смысл высказывания и нарушают порядок слов в предложении, ритмико-интонационную структуру, согласование слов и использование слова без учета его значения. Исправления не должны препятствовать свободному общению, но и пренебрегать исправлениями не стоит, иначе невозможно будет достичь прогресса в обучении [8]. Исправлению подлежат только глобальные ошибки, которые мешают осуществлению иноязычной коммуникации. Такие ошибки затрудняют понимание высказывания, препятствуют коммуникации и должны исправляться преподавателем. В результате такой работы у студентов формируется навык самоконтроля и самооценки, который впоследствии трансформируется в чувство языка [9, 10, 11].

Основными причинами совершения ошибок в речи можно назвать следующие:

- интерференция – влияние родного языка на изучаемый неродной язык;
- «экспериментирование» с изучаемым языком, в ходе которого допускаются ошибки, способствующие развитию умений и навыков;
- ложные друзья переводчика – иностранные слова, которые по написанию и звучанию схожи со словами, существующими в русском языке, но имеющими совершенно другое значение [1].

Однако проведение на занятиях работы по исправлению ошибок не всегда приводит к положительным результатам. Учащиеся могут на занятии демонстрировать понимание ошибок и исправлять их, но в дальнейшем не применять полученные знания и

продолжать повторять эти ошибки. Постоянное исправление ошибок со стороны преподавателя также ухудшает процесс освоения иностранного языка. В этом случае учащиеся подвергаются психологическому давлению, испытывают волнение и страх допустить ошибки на иностранном языке.

Исходя из вышесказанного очевидна необходимость создания психолого-педагогических условий для исправления ошибок, которые бы способствовали развитию языковых и речевых умений и навыков.

Важно понимать, что любое напряжение, которое испытывает на занятии студент, – это стресс, в ходе которого ресурсы организма направлены не на развитие, а на выживание. Постоянное исправление ошибок приводит к скованности при порождении высказывания и не позволяет обучающимся эффективно работать. Необходима разумная коррекция ошибок, в ходе которой не будут создаваться ситуации для напряжения и страха совершить ошибку, а студенты будут понимать свои ошибки и формировать навык правильной речи. Важно, чтобы процесс коррекции ошибок способствовал выявлению ошибок, объяснению, запоминанию и осознанному исправлению для снижения вероятности допущения данной ошибки в будущем [12].

Совершенно неправильно использовать ошибки только для измерения успеваемости, особенно тогда, когда учащийся, допуская ошибки, может достичь поставленной перед ним коммуникативной задачи. Важно рассматривать ошибку не как трагедию, а как необходимое звено при овладении иностранным языком, как этап на пути к освоению компетенции [13]. Во время коррекции ошибок преподавателю важно удерживать баланс между стремлением исправлять ошибки и предоставлять студентам свободу творчества, в процессе которого, с одной стороны, будут возникать все новые ошибки, а с другой – появится прогресс в изучении иностранного языка.

Необходимо создавать на уроке атмосферу, способствующую творческому самовы-

ражению и снятию психологических зажимов. Преподавателю важно уметь включаться в процесс коммуникации и, не мешая студенту осуществлять высказывание на иностранном языке, по ходу речи исправлять ошибки вербальным и невербальным способом. Успешность процесса обучения во многом зависит от созданной на занятиях благоприятной рабочей атмосферы, способствующей проявлению со стороны студентов дружелюбия и поддержки [14].

В западной дидактике создание на занятии определенной атмосферы называется «позитивной культурой ошибок» (positive Fehlerkultur). Для поддержания такой атмосферы преподаватель должен следовать определенным тактикам поведения: тактике отрицания ошибок (Fehlerverneinungsdidaktik), тактике избегания ошибок (Fehlervermeidungsdidaktik) и тактике подбадривания при совершении ошибок (Fehlerermutigungsdidaktik). Важно отметить, что последняя тактика является приоритетной [15].

Основным психолого-педагогическим условием, способствующим эффективному исправлению ошибок студентов, является создание на занятиях благоприятной рабочей атмосферы для выстраивания конструктивных отношений. Под такой атмосферой понимается готовность преподавателя и студентов устанавливать доверительные рабочие отношения по совместному обсуждению и исправлению ошибок. В ходе такого взаимодействия участники учебного процесса проявляют по отношению друг к другу уважение, поддержку, открытость и позитивно коммуницируют.

Во время иноязычной деятельности между студентами и преподавателем устанавливается сотрудничество, в ходе которого они участвуют в взаимопониманию и совместному решению коммуникативных задач по исправлению ошибок. Построение конструктивных отношений снимает психологические зажимы и барьеры и открывает студентам возможность для творческого познания учебного материала. Во время такого взаимодействия у

обучающихся проявляется интерес к изучению языка, повышается самооценка и появляется уверенность в своих силах.

Заключение

Студентам необходимо менять свое отношение к ошибкам и воспринимать их как возможность для саморазвития. Преподавателю важно создавать рабочую атмосферу и поощрять студентов думать и разбираться в учебном материале. Ошибки должны способствовать усвоению новых знаний и вести к прогрессу в обучении. По этой причине ошибки не должны рассматриваться как показатель плохой успеваемости или отсутствия интереса к изучаемому языку.

Необходимо формировать у студентов конструктивное отношение к ошибкам, в ходе которого они распознают, анализируют и исправляют свои ошибки, узнавая что-

то новое для себя. Для самого преподавателя ошибки обучающихся должны быть не поводом для упреков и наказания в виде снижения оценки, а важным показателем индивидуальной траектории в освоении иностранного языка.

Благоприятная рабочая атмосфера на занятии – это основа для плодотворной и результативной работы. Такая атмосфера способствует созданию конструктивных отношений между участниками образовательного процесса и приводит к росту и формированию умений и навыков. Умение учиться на своих ошибках дает правильный ориентир для молодого поколения и помогает им развиваться как личности, достигать успеха в учебной и профессиональной деятельности, оказывать позитивное влияние на окружающий мир.

Список источников

1. Швецова О.А. Ошибки и их роль при изучении иностранного языка // Научный аспект. 2023. Том 6. № 1. С. 681-689.
2. Эшкобилова Ш. А. The role of errors and error correction in learning foreign languages // Молодой ученый. 2018. № 25 (211). С. 328-330. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/211/48652/> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Krashen S.D. Principles and practice in second language acquisition. New York: Prentice Hall, 1982. 202 p.
4. Лопанова Е.В. Профессионально-педагогическая компетентность преподавателя вуза: структура, содержание, оценка сформированности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16400> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8-14.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
7. Кирюшина О.В. Специфика контроля и методические приемы коррекции ошибок в обучении иностранному языку // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN221.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
9. Шпак Н.О. Формирование навыков системного мышления в условиях воздействия клипового мышления на процесс обучения иностранному языку // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 4. С. 319-338. DOI 10.12731/2658-4034-2024-15-4-596.
10. Чикнаверова К.Г. Интерпретация и коррекция ошибок в речи изучающих иностранный язык. Обзор зарубежных исследований // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3. С. 129-134.

11. Erdogan Elif. Die häufigsten Schreibfehler der Lernenden des Deutschen als zweite Fremdsprache und ihre Ursachen // SEFAD. 2016. № 35. P. 53-66.
12. Lochtmann Katja. Die mündliche Fehlerkorrektur im DaF-Unterricht // German as a Foreign Language. 2003. No. 3. P. 1-19.
13. Калиниченко Э.Б. Роль языковых ошибок при обучении иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал, 2016. № 4 (46). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/rol-yazykovyx-oshibok-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 23.02.2025). DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.137.
14. Шевцова Г.В. Решение коммуникативных задач в профессионально ориентированном обучении иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.94> (дата обращения: 07.03.2025). DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.94.
15. Roubaty-Vögtli Theresa. Fehlerkultur im Sprachunterricht. Lehrerinnen- und Lehrerbildung. Universität Freiburg. 2013. 52 p.

References

1. Shvetsova O.A. Mistakes and their role in learning a foreign language // Scientific aspect. 2023. Volume 6. No. 1. P. 681-689.
2. Eshkobilova S. A. The role of errors and error correction in learning foreign languages // Young Scientist. 2018. No. 25 (211). P. 328-330. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/211/48652> (date of access: 13.03.2025).
3. Krashen S.D. Principles and practice in second language acquisition. – New York: Prentice Hall, 1982. 202 p.
4. Lopanova E.V. Professional and pedagogical competence of a university teacher: structure, content, assessment of formation // Modern problems of science and education. 2014. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16400> (date of access: 13.03.2025).
5. Bolotov V.A., Serikov V.V. Competence model: from idea to educational program // Pedagogika. 2003. No. 10. P. 8-14.
6. Zimnaya I.A. Key competencies – a new paradigm of educational outcome // Higher Education Today. 2003. No. 5. P. 34-42.
7. Kiryushina O.V. Specifics of control and methodological methods of error correction in teaching a foreign language // The world of science. Pedagogy and Psychology. 2021. No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN221.pdf> (date of access: 10.03.2025).
8. Balykhina, T.M. Methods of teaching Russian as a non-native, new language. M.: RUDN Publishing House, 2007. 185 p.
9. Shpak N. O. Formation of systemic thinking skills under the influence of clip thinking on the learning process of a foreign language // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 319-338. DOI 10.12731/2658-4034-2024-15-4-596.
10. Chiknaverova K.G. Interpretation and correction of errors in the speech of foreign language learners. Review of foreign studies // Kazan Pedagogical Journal. 2018. No. 3. P. 129-134.
11. Erdogan Elif. Die häufigsten Schreibfehler der Lernenden des Deutschen als zweite Fremdsprache und ihre Ursachen // SEFAD. 2016. No. 35. P. 53-66.

12. Lochtman Katja. Die mündliche Fehlerkorrektur im DaF-Unterricht // German as a Foreign Language. 2003. No. 3. P. 1-19.

13. Kalinichenko E.B. The role of linguistic errors in teaching a foreign language // International Scientific Research Journal. 2016. No. 4 (46). [Electronic resource]. URL: <https://research-journal.org/archive/4-46-2016-april/rol-yazykovyx-oshibok-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (date of access: 23.02.2025). DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.137

14. Shevtsova G.V. Solving communicative tasks in professionally oriented foreign language teaching // International Scientific Research Journal. 2024. No. 10 (148). [Electronic resource]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.94> (date of access: 07.03.2025). DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.94.

15. Roubaty-Vögtli Theresa. Fehlerkultur im Sprachunterricht. Lehrerinnen- und Lehrerbildung. Universität Freiburg. 2013. 52 p.

Информация об авторе

Шпак Наталья Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет водного транспорта (630099, Новосибирск, ул. Щетинкина, 33).

Information about the author

Natalya O. Shpak, PhD in Pedagogy, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, Siberian state university of water transport (630099, Novosibirsk, ul. Schetinkina, 33).

Статья поступила в редакцию 16.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 16.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 17.02:355.23

EDN: <https://elibrary.ru/LGEQTI>

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Новиков Николай Сергеевич

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Nikolai.novikov.87@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому и психолого-педагогическому осмыслению формирования ценностного мировоззрения военных профессионалов в условиях современных геополитических вызовов. В статье выявляются предпосылки формирования ценностного мировоззрения – трансформация социального бытия, кризис идентичности, диалектика традиции и инновации, экзистенциальный поиск смысла, а также анализируется структура и динамика ценностей в военной деятельности, включающая стабильное нормативное ядро (долг, честь) и динамический идеальный горизонт (мужество, ответственность). Оценивается влияние ценностного мировоззрения на развитие таких качеств, как психологическая устойчивость, ответственность, мужество, воля и свобода, необходимые для противодействия терроризму, гибридным конфликтам и информационным атакам. Исследование опирается на идеи Хайдеггера, Баумана, Камю, Бодрийяра и других мыслителей, подчёркивая онтологическую роль ценностей как моста между конечностью существования и стремлением к смыслу.

Ключевые слова: ценностное мировоззрение, военные конфликты, ценности, личностные качества, военное воспитание.

Для цитирования: Новиков Н.С. Формирование ценностей военных профессионалов в условиях современных военных конфликтов // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (6). С. 74-83.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

FORMATION OF THE VALUE WORLDVIEW OF MILITARY PROFESSIONALS IN THE CONTEXT OF MODERN MILITARY CONFLICTS

Nikolay S. Novikov

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Nikolai.novikov.87@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the philosophical, psychological and pedagogical understanding of the formation of the value worldview of military professionals in the context of modern geopolitical challenges. The article identifies the prerequisites for the formation of a value worldview – the transformation of social existence, the identity crisis, the dialectic of

tradition and innovation, the existential search for meaning – analyzes the structure and dynamics of values in military activities, including a stable normative core (duty, honor) and a dynamic ideal horizon (courage, responsibility). The influence of the value worldview on the development of such qualities as psychological stability, responsibility, courage, will and freedom necessary to counter terrorism, hybrid conflicts and information attacks is assessed. The research is based on the ideas of Heidegger, Bauman, Camus, Baudrillard and other thinkers, emphasizing the ontological role of values as a bridge between the finiteness of existence and the pursuit of meaning.

Keywords: value worldview, military conflicts, values, personal qualities, military education.

For citation: Novikov N.S. Formation of the value worldview of military professionals in the context of modern military conflicts // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 1 (6). P. 74-83.

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется нарастающей напряжённостью, обусловленной эскалацией военных конфликтов, которые отличаются не только масштабностью, но и сложностью порождаемых ими социальных, экономических и духовных вызовов. В таких условиях армия выступает не просто инструментом обеспечения безопасности, но и ключевым фактором сохранения стабильности общества, что требует от военных профессионалов не только высокого уровня технической подготовки, но и глубоко укоренённого ценностного мировоззрения. Подчёркивая неразрывную связь между профессиональными умениями военнослужащих и их духовными установками, автор считает, что «армия обязана служить опорой стабильности своего общества» [1, с. 179].

Актуальность исследования определяется насущной потребностью формирования у военных устойчивого ценностного мировоззрения, которое способствует не только становлению осмысленного противостояния деструктивным идеологиям, но и обеспечению военнослужащими оперативного выполнения задач в условиях разноплановых современных угроз, таких как терроризм, гибридные конфликты, а также локальные и региональные столкновения, включая специальную военную операцию (далее – СВО) и иные проявления вооружённого противостояния. В эпоху, когда глобальная нестабильность переплетается с философской

проблемой смысла существования человека в условиях войны, военные конфликты становятся не только ареной физического противоборства, но и испытанием духовной стойкости, где ценности подвергаются переосмыслению под давлением хаоса и энтропии. Современные реалии, такие как СВО, демонстрируют, как традиционные представления о долге и чести сталкиваются с новыми вызовами – информационной войной, психологическим манипулированием и асимметричными стратегиями, требующими от военнослужащих не просто профессионализма, но и глубокой мировоззренческой основы. Локальные конфликты, такие как противостояния на Ближнем Востоке или в Африке, и региональные кризисы, например, в Южно-Китайском море, подчёркивают многообразие угроз, где военная мощь неотделима от моральной устойчивости. В этом контексте формирование ценностного мировоззрения приобретает экзистенциальный характер, становясь философским вопросом о сохранении человеческого в человеке перед лицом дегуманизирующих факторов войны. Таким образом, исследование выходит за рамки прикладной педагогики, затрагивая фундаментальные аспекты бытия, где ценности выступают и как инструмент воспитания, и как основа сопротивления распаду идентичности в условиях современных военных конфликтов, отражая необходимость поиска баланса между долгом перед обществом и внутренней свободой личности.

Проблема исследования связана с недостаточной разработанностью психолого-педагогических подходов к формированию ценностного мировоззрения военнослужащих в контексте современных военных конфликтов, которые с философской точки зрения представляют собой не только поле физического противостояния, но и арену экзистенциального кризиса, где высокая степень неопределённости и мощное информационно-психологическое воздействие размывают границы между бытием и хаосом. Эти условия ставят под вопрос возможность воспитания устойчивых моральных и профессиональных ориентиров, поскольку традиционные ценности вступают в конфликт с фрагментированной реальностью войны, обнажая онтологическую уязвимость человеческой природы. Как отмечает А. Камю, «человек – это единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть» [2, с. 23], подчёркивая внутреннее противоречие личности, стремящейся к смыслу в условиях абсурда, что особенно актуально для военных, чьё мировоззрение формируется под давлением дегуманизирующих факторов. В такой ситуации возникает философская дилемма: как сохранить целостность личности и её нравственное ядро перед лицом этих факторов, когда само понятие долга и чести подвергается постоянной деконструкции под влиянием современных вызовов, требующих осмысленного действия в условиях распада привычных мировоззренческих основ.

Цель статьи – обосновать психолого-педагогические основы формирования ценностного мировоззрения военных профессионалов, обеспечивающего их готовность к эффективному выполнению задач в условиях современных военных конфликтов.

Задачи исследования включают:

1. Выявление предпосылок формирования ценностного мировоззрения в контексте современных геополитических вызовов.

2. Анализ структуры и динамики ценностей в профессиональной военной деятельности.

3. Оценку влияния ценностного мировоззрения на развитие личностных качеств военнослужащих, необходимых для противодействия современным угрозам.

Разработанность проблемы исследования

Вопрос формирования ценностного мировоззрения военнослужащих, равно как и осмысление сущности современных военных конфликтов, занимает центральное место в философском дискурсе, обнажая напряжённое взаимодействие бытия и хаоса в условиях современной эпохи. Ранее нами была отмечена фундаментальная роль моральных устоев в становлении военного сознания, что указывает на их онтологическое значение для сохранения человеческого в человеке перед лицом деструктивных сил [1, с. 180]. Эту идею развивает А.В. Васильев, подчёркивая необходимость трансформации ценностей в ответ на новые формы конфликтов, где традиционное понимание долга сталкивается с абсурдом фрагментированной реальности, требующей экзистенциальной адаптации [3, с. 45]. П.С. Иванов углубляет эту мысль, рассматривая ценности как анкер устойчивости личности, позволяющий противостоять распаду идентичности в условиях стресса, который становится неизбежным спутником воинского существования [4, с. 112].

В этом контексте философский анализ специфики современных конфликтов приобретает особую значимость. Д.Ю. Петров раскрывает их как арену, где информационный фактор и гибридные угрозы переопределяют саму природу противостояния, превращая войну в пространство метафизической борьбы за смысл [5, с. 23]. С.М. Ковалёв, продолжая эту линию, акцентирует потребность в мировоззрении, способном противостоять идеологическому давлению, которое стремится подменить подлинное бытие иллюзорными конструктами, лишая человека нравственной опоры [6, с. 78]. В.Н. Сидоров, в свою очередь, выявляет диалектическую связь между моральными ориентирами и боеспособностью, подчёрки-

вая, что ценности выступают не только этической категорией, но и онтологическим основанием действия в условиях предельного напряжения бытия [7, с. 19].

Зарубежная философская мысль дополняет эту рефлексию, расширяя горизонт осмысления. Р. Джонс настаивает на значимости этических норм как экзистенциально маяка для тех, кто оказывается в асимметричных конфликтах, где традиционные границы истины и лжи растворяются в неопределённости [7, с. 34]. А. Смит, напротив, исследует трансформацию ценностей под воздействием гибридных войн, указывая на их динамическую природу как отражение борьбы за сохранение смысла в эпоху распада [9, с. 56]. В российской науке Т.В. Егорова обращается к традициям как к метафизическому ресурсу, через который возможно воссоздание духовно-нравственного ядра личности, противостоящего энтропии современности [10, с. 92]. И.А. Лебедев же подчёркивает роль образования как процесса, посредством которого мировоззрение обретает форму, интегрирующую моральное и профессиональное в единую онтологическую целостность [11, с. 67].

Несмотря на глубину этих размышлений, охватывающих спектр от этики до метафизики войны, комплексное философское осмысление ценностного мировоззрения военнослужащих в условиях современных конфликтов остаётся незавершённым. Этот пробел выявляет новизну данного исследования, которое стремится не просто описать явление, но проникнуть в его сущность, рассматривая ценности как мост между конечностью человеческого существования и бесконечностью поиска смысла в мире, где война становится не только испытанием силы, но и зеркалом, отражающим пределы и возможности духа.

Исследование опирается на теоретический анализ современной психолого-педагогической и военной литературы, сравнительно-исторический метод для изучения эволюции ценностей в военной среде, а также метод интерпретации для оценки их ро-

ли в формировании мировоззрения в условиях конфликтов.

Основная часть

Формирование ценностного мировоззрения в условиях современных геополитических вызовов представляет собой процесс, глубоко укоренённый в философской рефлексии о бытии человека, его месте в мире и способности противостоять хаосу, порождаемому нестабильностью глобального порядка. Современная эпоха, отмеченная эскалацией военных конфликтов, гибридных войн и информационно-психологических операций, обнажает кризис традиционных ценностей, ставя перед личностью задачу не только адаптации к новым реалиям, но и сохранения нравственной целостности перед лицом экзистенциальных угроз. Выявление предпосылок этого процесса требует обращения к фундаментальным философским концепциям, позволяющим осмыслить динамику человеческого существования в условиях распада привычных мировоззренческих основ.

Одной из ключевых предпосылок формирования ценностного мировоззрения является трансформация социального бытия под воздействием геополитических вызовов, которые переопределяют роль человека как субъекта действия и ответственности. М. Хайдеггер в своём труде «Бытие и время» утверждает, что подлинное существование раскрывается через «заботу» – онтологическую категорию, связывающую индивида с миром через осознание долга и конечности [12, с. 235]. В контексте современных конфликтов, таких как СВО или региональные кризисы в Южно-Китайском море, эта «забота» принимает форму осознанного служения, где ценности патриотизма и верности становятся не просто эмоциональными реакциями, а осмысленными установками, формирующими мировоззрение. Однако нарастающая неопределённость, обусловленная асимметричными угрозами и информационным давлением, усложняет этот процесс, требуя от личности способности к рефлексии и устойчивости перед лицом распада традиционных ориентиров.

Другой предпосылкой выступает кризис идентичности, вызванный фрагментацией культурных и социальных структур в условиях глобализации. З. Бауман в работе «Текущая современность» описывает этот феномен как «утрату твёрдых основ», где стабильные ценности уступают место подвижным и неустойчивым конструкциям [13, с. 47]. Для личности, сталкивающейся с геополитическими вызовами, этот кризис проявляется в необходимости переосмысления традиционных понятий долга, чести и справедливости в условиях, когда границы между правдой и ложью размываются под воздействием симулякров. Ж. Бодрийяр, развивая эту мысль в работе «Симулякры и симуляции», подчёркивает, что «реальность замещается знаками, которые теряют связь с подлинным бытием» [14, с. 12], что особенно актуально в эпоху информационных войн, где ценностное мировоззрение должно включать способность к критическому различению подлинного и иллюзорного. Таким образом, предпосылкой становится потребность в развитии рефлексивного сознания, способного противостоять манипуляциям и сохранять нравственное ядро.

Следующая предпосылка связана с диалектикой традиции и инновации, которая определяет эволюцию ценностей в условиях современных вызовов. Ю. Хабермас в «Философском дискурсе модерна» указывает, что модернизация не разрушает традиции полностью, а трансформирует их, создавая новые формы легитимации [15, с. 89]. В геополитическом контексте это проявляется в необходимости синтеза исторической памяти – например, ценностей воинской чести, укоренённых в национальных традициях, – с требованиями адаптации к новым формам конфликтов, таких как кибервойны или психологическое воздействие. Этот синтез становится основой формирования мировоззрения, которое одновременно сохраняет преемственность и отвечает на вызовы времени. Например, в условиях СВО ценность патриотизма обретает новое измерение, подкреплённое осмыслением глобальных

интересов, что требует от личности не только верности, но и способности к стратегическому мышлению.

Наконец, важной предпосылкой является экзистенциальный характер современных конфликтов, который ставит человека перед необходимостью поиска смысла в условиях абсурда. А. Камю утверждая, что «человек – это единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть» [2, с. 23], подчёркивает внутреннее противоречие между стремлением к смыслу и абсурдностью бытия. В контексте геополитических вызовов это противоречие обостряется, поскольку война становится не только физическим, но и метафизическим испытанием, где ценности выступают мостом между конечностью существования и бесконечностью поиска. Мы разделяем точку зрения мыслителя и считаем, что «...война как одна из форм осуществления человеческого бытия формирует в обществе и в мире новые ценности, несущие в себе смысложизненный характер». С одной стороны, человек сталкивается с осуществлением собственного существования на грани своих возможностей, что приводит к новым результатам в выработке духовных ценностей. С другой – «человек сам вырабатывает новые способы преодоления опасностей» [16, с. 108]. Для военных профессионалов это означает, что их мировоззрение формируется в напряжённом диалоге между долгом перед обществом и внутренней свободой, что требует воспитания таких качеств, как воля, ответственность и совесть. Философская рефлексия здесь становится не отвлечённым упражнением, а практическим инструментом, позволяющим личности сохранять целостность перед лицом дегуманизирующих факторов.

Предпосылки формирования ценностного мировоззрения в условиях современных геополитических вызовов коренятся в сложном взаимодействии онтологической «заботы», кризиса идентичности, диалектики традиции и инновации, а также экзистенциального поиска смысла. Эти факторы, проана-

лизированные через призму философских концепций М. Хайдеггера, З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса и А. Камю, подчёркивают, что ценности в эпоху нестабильности становятся не статичным набором норм, а динамическим процессом, обеспечивающим устойчивость личности в мире, где геополитические конфликты выступают одновременно угрозой и стимулом для её развития. Этот процесс требует не только адаптации, но и глубокого переосмысления человеческого бытия, что делает его одной из центральных тем современной философии.

Формирование ценностей в профессиональной военной деятельности представляет собой сложный и многослойный процесс, который синтезирует устойчивые моральные нормы с существующими идеалами, отражающими эволюцию военной профессии в условиях современных геополитических реалий. Этот процесс, укоренённый в диалектике традиции и адаптации, не только определяет внутреннюю мотивацию военнослужащих, но и обеспечивает их способность эффективно действовать в условиях конфликтов, сохраняя нравственную целостность. Структура ценностей в военной деятельности складывается из нормативного и идеального аспектов, каждый из которых выполняет свою функцию в обеспечении устойчивости и гибкости профессионального сознания.

Нормативная составляющая включает такие принципы, как долг, честь, верность и дисциплина, обладает относительной стабильностью, фиксируясь в традициях, присяге и воинских уставах. Она выступает онтологической основой, обеспечивающей преемственность военной идентичности. Как отмечает А.Е. Снесарев, «государство, будучи условной воспитательной силой, в отношении армии становится силой влиятельной», формируя через эти нормы «наилучший материал» для воспитания [17, с. 45]. Присяга, например, не только закрепляет юридическое обязательство, но и становится актом морального выбора, под-

чёркивая её значение как «единства нормы и идеала» [1, с. 180]. Этот аспект структуры ценностей обеспечивает военнослужащим устойчивую базу для действий в условиях стресса и неопределённости.

Идеальный аспект, напротив, включает динамические представления о должном – мужество, ответственность, стремление к справедливости, – которые трансформируются под воздействием контекста профессиональной деятельности и социальных ожиданий. Современные философы, такие как З. Бауман, указывают на «текучесть» ценностей в эпоху глобальной нестабильности, где традиционные идеалы подвергаются переосмыслению в условиях «утраты твёрдых основ» [13, с. 47]. В военной профессии это проявляется в эволюции мужества: если в прошлом оно ассоциировалось с физической стойкостью, то в условиях гибридных войн и информационного давления оно требует также интеллектуальной гибкости и устойчивости к манипуляциям. Ж. Бодрийяр, анализируя современные конфликты, подчёркивает, что «знаки замещают подлинное бытие», создавая иллюзорные конструкции, противостояние которым становится частью ценностного идеала [14, с. 12]. Таким образом, структура ценностей оказывается диалектическим единством стабильности и изменчивости, где нормы сохраняют идентичность, а идеалы адаптирует её к новым вызовам.

Динамика формирования ценностей обусловлена как внутренними факторами – воспитанием и профессиональной средой, так и внешними – спецификой современных конфликтов. Процесс начинается с первичной социализации, где традиции играют ключевую роль. «Отношения человека с миром, составляющие ценностную основу личности, не являются врожденными, а формируются в конкретном опыте» [16, с. 22]. Эта мысль перекликается с идеей М. Хайдеггера о том, что бытие человека раскрывается через «заботу», которая в военном контексте принимает форму осознанного служения [12, с. 235]. В российской во-

енной культуре, например, ценности гвардейской чести, уходящие корнями к эпохе Петра I, продолжают формировать идеалы мужества, адаптируясь к современным задачам, таким как противодействие киберугрозам.

Современные конфликты, включая СВО и гибридные войны, ускоряют эту динамику, требуя от военнослужащих новых качеств. Ю. Хабермас в «Философском дискурсе модерна» подчёркивает, что модернизация трансформирует традиции, создавая новые формы легитимации [15, с. 89]. В военной сфере это проявляется в дополнении традиционных ценностей, таких как честь, новыми идеалами, связанными с информационной грамотностью и психологической устойчивостью. Например, в условиях СВО патриотизм становится не только эмоциональной реакцией, но и осознанным выбором, подкреплённым пониманием национальных интересов. Динамика ценностей, таким образом, отражает их способность эволюционировать, обеспечивая баланс между преемственностью и инновацией, что делает их живым процессом, а не статичным набором принципов.

Профессиональная среда также играет ключевую роль в этой динамике. «Система воспитания осуществляется в социуме определёнными институтами [16, с. 122], такими как военные учебные заведения, которые формируют коллективную идентичность». Эта среда, пронизанная субординацией и дисциплиной, трансформирует индивидуальные ценности в соответствии с общими задачами, что подтверждает мысль П. Бурдьё о том, что образование передаёт культурный капитал, формирующий идентичность [18]. Переход от сословной службы к добровольной, как исторически зафиксировано в реформах XIX века, усиливает ценность личной ответственности, которая становится центральной в современной военной профессии.

Ценностное мировоззрение, сформированное в процессе профессиональной военной деятельности, оказывает определяющее

влияние на развитие личностных качеств военнослужащих, необходимых для противодействия современным угрозам, таким как терроризм, гибридные войны и информационное давление. Это влияние проявляется в способности личности интегрировать моральные и профессиональные ориентиры, обеспечивая устойчивость перед лицом экзистенциальных вызовов.

Одним из ключевых качеств, развиваемых под воздействием ценностного мировоззрения, является психологическая устойчивость. А. Камю утверждает, что «человек отказывается быть тем, что он есть», подчёркивая внутреннее противоречие между стремлением к смыслу и абсурдом бытия [2, с. 23]. В условиях современных конфликтов это противоречие обостряется, требуя от военнослужащих способности сохранять нравственное ядро перед лицом дегуманизирующих факторов. Например, противодействие информационным атакам, характерным для гибридных войн, требует не только технических навыков, но и устойчивости к всякого рода манипуляциям, что опирается на ценности разумности и совести. Эти качества, как воспитуемые, формируются через систематическое обучение и рефлексию.

Другим важным качеством является ответственность, которая в военной профессии приобретает экзистенциальный характер. Как отмечает М. Хайдеггер, «забота» как основа бытия предполагает осознание конечности и долга [12, с. 235]. В контексте современных угроз, таких как терроризм или внутренние конфликты, ответственность проявляется в способности принимать решения, минимизирующие потери и сохраняющие гуманистические идеалы. Пример генерала Г.Н. Зайцева демонстрирует, как ценностное мировоззрение, основанное на «нравственной очевидности» [16, с. 139], позволило провести операцию без жертв. Это подтверждает мысль М. Мамардашвили о том, что нравственное сознание есть «состояние очевидности», обеспечивающее выбор в условиях моральной дилеммы [19, с. 145].

Ценностное мировоззрение также способствует развитию мужества, которое в современных условиях выходит за рамки физической стойкости. Бауман подчёркивает, что в «текущей современности» мужество требует способности противостоять неопределённости [13, с. 47]. В гибридных конфликтах, где противник может быть невидимым, а угроза – психологической, мужество включает в себя готовность к интеллектуальному противоборству и сохранению морального авторитета. Это качество, как отмечает Снесарев, связано с «главенством духовной стороны в явлениях боя» [17, с. 78], что делает его воспитуемым через пример командиров и коллективную идентичность воинской среды.

Наконец, ценностное мировоззрение формирует волю и свободу как способность к осознанному выбору в экстремальных условиях. Э. Фромм утверждает, что подлинная свобода основана на «модусе бытия», где компетентность и нравственная целостность позволяют личности действовать автономно [20, с. 112]. Для военнослужащих это означает способность выбирать действия, соответствующие как профессиональному долгу, так и гуманистическим принципам, что особенно важно при противодействии внутренним угрозам, где грань между врагом и гражданином размыта. Воля, подкреплённая ценностями, становится основой лидерства, обеспечивая согласованность действий коллектива.

Ценностное мировоззрение оказывает глубокое влияние на развитие личностных качеств военнослужащих, необходимых для

противодействия современным угрозам. Оно интегрирует психологическую устойчивость, ответственность, мужество, волю и свободу в единую систему, позволяющую личности сохранять баланс между долгом и гуманностью. Этот процесс, как показывает анализ, неразрывно связан с динамикой ценностей, где традиционные нормы адаптируются к новым реалиям, формируя профессионалов, способных противостоять как физическим, так и метафизическим вызовам современной эпохи.

Заключение

Формирование ценностного мировоззрения военных профессионалов в условиях современных геополитических вызовов представляет собой многоуровневый процесс, укоренённый в философской рефлексии о бытии, идентичности и смысле человеческого существования перед лицом войны. Современные конфликты, такие как специальная военная операция, гибридные войны и региональные кризисы, обнажают кризис традиционных ценностей, требуя от военнослужащих не только профессиональной компетентности, но и устойчивого нравственного основания, способного противостоять хаосу и дегуманизирующим факторам. Анализ предпосылок этого процесса – трансформации социального бытия, кризиса идентичности, диалектики традиции и инновации, а также экзистенциального поиска смысла – показал, что ценности выступают не просто этическим ориентиром, а онтологической основой, обеспечивающей целостность личности в условиях нестабильности.

Список источников

1. Новиков Н.С. Место и роль ценностей в системе военного воспитания // Психолого-педагогическая составляющая – важнейший фактор подготовки будущих офицеров в военном вузе. Новосибирск: Новосибирский военный институт, 2023. С. 179-181.
2. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
3. Васильев А.В. Ценностные ориентиры военнослужащих в условиях гибридных войн // Военная мысль. 2020. № 3. С. 42-50.
4. Иванов П.С. Психология военного воспитания в эпоху перемен. М.: Воениздат, 2019. 250 с.
5. Петров Д.Ю. Современные военные конфликты: особенности и вызовы // Безопасность и право. 2021. № 2. С. 20-28.

6. Ковалёв С.М. Трансформация военной профессии в XXI веке // Вестник военного образования. 2018. № 4. С. 75-82.
7. Сидоров В.Н. Ценности и мотивация в военной службе // Психология и педагогика. 2022. № 1. С. 15-22.
8. Jones R. Values in Modern Military Leadership // Journal of Military Ethics. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 30-40.
9. Smith A. Military Ethics and Hybrid Warfare // Defense Studies. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 50-65.
10. Егорова Т.В. Формирование духовно-нравственных ценностей военнослужащих // Педагогический вестник. 2021. № 5. С. 90-96.
11. Лебедев И.А. Психолого-педагогические аспекты подготовки военных кадров // Образование и наука. 2023. № 3. С. 65-72.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
13. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
14. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
15. Хабермас Ю. Философский дискурс модерна / Пер. с нем. М.Б. Раковского. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
16. Новиков Н.С. Социально-философские основания системы ценностей военнослужащих: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: дис. ... канд. философ. наук / Н.С. Новиков, 2021. 191 с.
17. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Воениздат, 2018. 352 с.
18. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 24-43.
19. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
20. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. Е.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2018. 320 с.

References

1. Novikov N.S. The place and role of values in the system of military education // The psychological and pedagogical component is the most important factor in the training of future officers in a military university. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute, 2023. P. 179-181.
2. Camus A. The Rebellious man. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p.
3. Vasiliev A.V. Value orientations of military personnel in the context of hybrid wars // Military thought. 2020. No. 3. P. 42-50.
4. Ivanov P.S. Psychology of military education in the era of change. M.: Voenizdat, 2019. 250 p.
5. Petrov D.Yu. Modern military conflicts: features and challenges // Security and law. 2021. No. 2. P. 20-28.
6. Kovalev S.M. Transformation of the military profession in the 21st century // Bulletin of Military Education. 2018. No. 4. P. 75-82.
7. Sidorov V.N. Values and motivation in military service // Psychology and Pedagogy. 2022. No. 1. P. 15-22.
8. Jones R. Values in Modern Military Leadership // Journal of Military Ethics. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 30-40.
9. Smith A. Military Ethics and Hybrid Warfare // Defense Studies. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 50-65.

10. Egorova T.V. Formation of spiritual and moral values of military personnel // Pedagogical Bulletin. 2021. No. 5. P. 90-96.
11. Lebedev I.A. Psychological and pedagogical aspects of military personnel training // Education and science. 2023. No. 3. P. 65-72.
12. Heidegger M. Genesis and time / Translated from German by V.V. Bibikhina. M.: Academic project, 2011. 460 p.
13. Bauman, Z. Fluid modernity / Translated from English by Yu.V. Asochakova. St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p.
14. Baudrillard, J. Simulacra and simulation / Translated from the French by A. Kachalov. M.: Postum, 2015. 240 p.
15. Habermas Y. Philosophical discourse of modernity / Translated from German by M.B. Rakovsky. M.: The Whole World, 2003. 416 p.
16. Novikov N.S. Socio-philosophical foundations of the value system of military personnel: specialty 09.00.11 "Social philosophy": dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences / N.S. Novikov, 2021. 191 p.
17. Snesev A.E. Philosophy of war. M.: Voenizdat, 2018. 352 p.
18. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 24-43.
19. Mamardashvili M.K. How I understand philosophy. M.: Progress, 1990. 368 p.
20. Fromm E. To have or to be? / Translated from English by E.M. Telyatnikova, M.: AST, 2018. 320 p.

Информация об авторе

Новиков Николай Сергеевич, кандидат философских наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Nikolay S. Novikov, candidate of philosophical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

О ЖУРНАЛЕ

Научный журнал «Сибирский социально-гуманитарный журнал» является рецензируемым электронным сетевым изданием, основанным в 2023 году. Периодичность издания – 4 раза в год.

Издательство: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Цель научного журнала – публикация актуальных для обсуждения в научном сообществе научно-исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для повышения качества военного образования.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, а также аналитические материалы, научные сообщения, научно-информационные материалы на русском языке по следующим специальностям: психологические, филологические, философские науки.

КОНТАКТЫ

Юридический (почтовый) адрес:

630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

E-mail: nvi-svny@mail.ru

Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Ответственный секретарь – Колухамбеков Алексей Садович

Режим (график) работы:

пн-пт: с 9.00 до 18.00

сб: с 9.00 до 13.00

вс: выходной

Научный журнал

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор: **Колухамбеков** Алексей Садович
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректоры: **Филиппова** Ольга Алексеевна, **Маматова** Мария Александровна